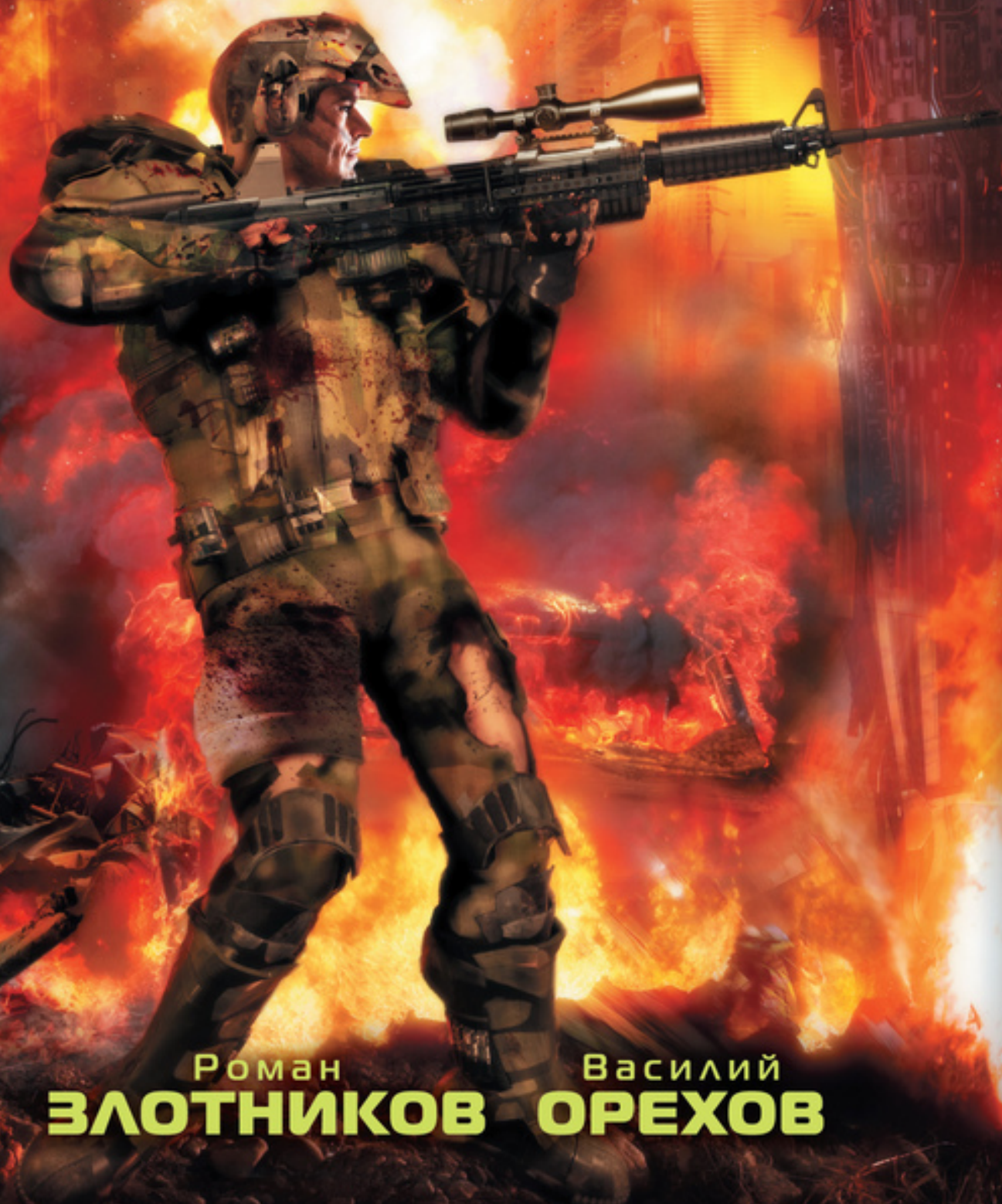

ЭКСПАНСИЯ

ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ

Роман Василий
ЗЛОТНИКОВ ОРЕХОВ

Империя наносит ответный удар

Роман Злотников
Звездный десант

«Автор»

«Автор»

2009

Злотников Р. В.

Звездный десант / Р. В. Злотников — «Автор», «Автор»,
2009 — (Империя наносит ответный удар)

Российская Империя нанесла ответный удар: криминальный мир Талгола расшатан последней клановой войной. Но это был лишь первый этап возмездия. Три Горностая, семь лет назад потерявшие всех своих соратников в смертельной ловушке на планете Дальний Приют, расправились с пешками. Настал черед королей, организовавших взводу элитного спецназа Пятого имперского флота кровавую баню...

© Злотников Р. В., 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Роман Злотников, Василий Орехов

Звездный десант

Глава 1

В здании «Каперони Инкорпорейтед» в самом разгаре был трудовой день.

Огромный сорокаэтажный цилиндр из стекла, бетона и металла располагался в элитном деловом районе Либервиль, в нескольких кварталах от небоскреба «Колхейн Индастриз», после недавнего враждебного корпоративного поглощения отошедшего «Саггети Корпорейшн» вместе с прочими активами разорившейся компании. Работа кипела вовсю: менеджеры висели на линиях связи, активно общаясь с клиентами, секретарши непрерывно распечатывали отчеты и презентации, с вертолетных площадок и из внутреннего двора здания то и дело стартовали курьерские глидеры одинаковой корпоративной расцветки – желтые с красным. Кофеварки и портативные бойлеры на этажах трудились не переставая, оперативно снабжая сотрудников горячими бодрящими напитками. Руководство даже закрывало глаза на умеренное употребление сотрудниками запрещенных химических стимуляторов; впрочем, хронических наркоманов выставляли за ворота безжалостно и без долгих разговоров. Если сотрудник не способен контролировать собственную пагубную страсть, компании он не нужен.

Служба безопасности исправно контролировала территорию здания через множество миниатюрных камер наблюдения и замаскированных микрофонов. От крыши до подвала в модерновом цилиндре «Каперони Инкорпорейтед» не было такого помещения, где с раннего утра до глубокой ночи не бурлила бы энергичная производственная деятельность. Корпорация считалась одной из самых успешных, эффективных и богатых коммерческих организаций на Талголе, поэтому работать здесь для представителя среднего класса считалось честью и невероятным везением. А поскольку вылететь отсюда тоже можно было в два счета, каждый ее сотрудник старался выкладываться по полной программе, и сам босс, мистер Гвидо Каперони, регулярно подавал сотрудникам личный пример трудовой дисциплины, появляясь в здании ни свет ни заря и задерживаясь в своем огромном кабинете под крышей здания допоздна.

В данный момент, впрочем, главы корпорации в кабинете не было. Но вовсе не потому, что он пренебрегал своими священными служебными обязанностями, которые сам же для себя и определил. Наоборот, непосредственно ими он сейчас и занимался. Только в подвале здания.

В расположенном здесь огромном резервуаре мусоросжигателя постоянно поддерживалась температура воспламенения бумаги – 451 градус по Фаренгейту. Сюда по специальным трубам поступал бумажный и полимерный мусор из корзинок служащих. Каперони еще на стадии проектирования здания настоял на том, чтобы в него была вписана внушительная печь мусоросжигателя, поскольку многие из документов, черновиков и компьютерных распечаток организации не предназначались для чужих глаз: конкуренты и полиция дорого дали бы, чтобы покопаться на городской свалке в том углу, куда «Каперони Инкорпорейтед» стала бы вывозить свой мусор. Поэтому все бумажные отходы подлежали немедленному уничтожению в гигантской огненной печи «Молох-2М» – сюда запрещалось кидать только стеклянные бутылки и металлические предметы. Здесь же было очень удобно уничтожать прочие побочные отходы производства – скажем, трупы...

Молодой человек в деловом костюме, привязанный к стоявшим у разверстой огненной пасти пластиковым медицинским носилкам, был взъерошен и бледен. На лице у него застыл неопишуемый ужас, взгляд блуждал, по вискам стекал холодный пот. Отсвет багряного пламени из настежь распахнутой печи плясал на лице пленника, превращая его в шаманскую маску дикого народа.

– Итак, Родриго, – ровным голосом проговорил глава корпорации, тщательно полируя пилочкой ногти, и без того идеальные. – Ты по-прежнему ничего не хочешь мне сказать?

Привязанный мучительно замычал, задержался в своих путах.

– До чего же ты упрямый, – сокрушенно вздохнул мистер Каперони. – Похвально, конечно, что ради коллеги и друга ты готов сгореть заживо, это очень ценное корпоративное качество. Подобные отношения внутри коллектива следует безусловно поощрять и развивать путем специальных тренингов. Можешь считать, что ты заслужил лишнюю неделю оплачиваемого отпуска. Однако, честное слово, лучше бы ты выказывал подобную лояльность в отношении меня, своего босса. Поверь, в конце концов это окупилось бы сторицей, и та сумма, которую вы растратили, показалась бы тебе мелочью... Но что сделано, то сделано. – Он участливо наклонился над привязанным, заглянул ему в глаза. – Значит, так и не хочешь сказать мне, кто провел несанкционированный трансферт? Напрасно; по собственному опыту знаю, что правду говорить легко и приятно. Но только, ради всего святого, не заводи опять эту надоевшую песню, что ты все сделал один, иначе я дам тебе пощечину. Это не очень больно по сравнению с тем, что тебе предстоит в дальнейшем, однако страшно обидно. Ну?

Привязанный угрюмо молчал, вращая выпученными глазами.

– Жаль, – искренне огорчился Каперони, и печальная улыбка тронула его узкие губы. – Почему-то мне казалось, что ты более благоразумен... Вот в такие критические моменты и становятся видны вопиющие пробелы в работе с персоналом. Берите его, ребята.

Двое охранников в форме корпорации ухватили носилки с судорожно бьющимся и изгибающимся телом за рукояти, поставили на наклонный металлический помост перед распахнутой печью мусоросжигателя. Теперь адское пламя отражалось также в расширенных от непередаваемого ужаса зрачках привязанного. Достаточно было одного несильного толчка, чтобы носилки отправились прямо в пылающую бездну.

– Босс, – деликатно проговорил один из охранников. – Это не мое дело, конечно, но, если позволите, без пластыря на губах он смог бы говорить более внятно.

– Ах, да! – Каперони картинно ударил себя ладонью по лбу. – Действительно. Мой мальчик, что же ты сразу не сказал, что тебе не очень удобно разговаривать? – Он рывком сдернул пластырь со рта пленника, и тот зашипел от боли. – Ну, так лучше? Надеюсь, теперь тебе ничего не мешает?

– Босс! – тут же захрипел привязанный. – Клянусь, босс! Умоляю, босс, поверьте...

– Я верил тебе достаточно долго, – мягко, но непреклонно заметил Каперони. – И видишь, как поплатился за свое доверие? Я стою возле раскрытого мусоросжигателя, и моя душа безутешно рыдает, потому что мне приходится запихивать туда живьем одного из своих помощников. Это очень некрасиво с твоей стороны, сынок, – так со мной поступать. В общем, мое предложение остается в силе. Либо ты называешь того, кто тебе помогал, – и мы оставляем тебя в живых, хотя и делаем определенные оргвыводы. Либо ты продолжаешь геройствовать – и тогда добро пожаловать в печь. Ты знаешь основное правило корпорации: нельзя, чтобы мусор покидал наши стены иначе, нежели через дымовую трубу.

– Честное слово, босс! Я вас уверяю, босс...

– Это ведь женщина, да? – Каперони пытливо посмотрел на привязанного. – Верно? Какая-то дрянь из бухгалтерии, которая нырнула к тебе в постель, использовала тебя по полной программе, а потом подставила? Видишь ли, сынок, вся проблема в том, что ты ей не нужен, ей со всей очевидностью нужны деньги. Теперь они у нее есть. А у тебя что осталось? Печь?.. – Глава корпорации покачал головой. – Давайте, ребята. Только понемногу. Этот сын шлюхи прискорбно упорствует в своем стремлении предельно омрачить мне сегодня трудовые будни.

Охранники подпихнули носилки ближе к жерлу мусоросжигателя. Тонкие языки пламени с аппетитом лизнули подошвы стильных ботинок привязанного.

– Босс, нет!!! Не надо! Не на... – Истошный визг пытаемого вдруг оборвался, голова откинулась набок, глаза закатились.

– Что это с ним? – поинтересовался Каперони.

– Похоже, в обмороке, сэр.

– Ну, так достаньте его оттуда! Что за удовольствие, право, – сжигать бесчувственное тело?!

Охранники сняли носилки с помоста и снова опустили их на пол. Застыли в растерянности, пытаясь сообразить, откуда именно босс велел достать клиента – из печи или из обморока.

– Что за запах? – подозрительно осведомился тем временем Гвидо Каперони.

– Горелая подошва? – почтительно уточнил один из охранников.

– Нет, гораздо более мерзкий!

– Это запах его страха, босс, – нашелся с ответом второй охранник.

– Понятно, – печально констатировал Каперони. – Господи, до чего же я не люблю эти физиологические подробности... – В ухе у него внезапно запульсировал сигнал вызова, и он с неудовольствием отвернулся от пылающей преисподней. – Слушаю, Джанфранко.

– Босс, вы просили напомнить без четверти двенадцать, что у вас важная встреча.

– Спасибо, мой мальчик. Занимаясь любимым делом, я совершенно теряю счет времени... – Он снова повернулся к охранникам. – Я вернусь вечером, и мы продолжим нашу увлекательную беседу. Позаботьтесь о нем. К тому времени, как я приеду, непременно обмойте его, смените ему подштанники и попишайтесь какой-нибудь померанцевой туалетной водой. Я брезглив до ужаса.

Быстро поднявшись по железной лесенке к лифту, Каперони вошел в него, повернул извлеченный из кармана ключ в специальной скважине над двумя рядами кнопок, что позволяло добраться до верхнего этажа без промежуточных остановок, и поспешно взмыл в небеса.

Оставшиеся возле распахнутой печи охранники задумчиво разглядывали тело на носилках, пытаясь рассчитать оптимальный алгоритм дальнейших действий.

– Он вроде приходит в себя, – наконец заметил один из них. – Может, следует ему помешать? До вечера еще масса времени.

– Бесчувственное тело мыть проще, – согласился второй. – Хотя жечь да, не так интересно.

И он от души двинул приходящего в себя человека на носилках штатной дубинкой по голове.

Утро Глама, нового босса гангстерского клана Саггети и по совместительству председателя совета директоров «Саггети Корпорейшн», началось предельно паршиво. Оно началось с того, что глава мафиозного семейства, стоя перед зеркалом и мучительно вспоминая с трудом заученные приемы, повязывал себе галстук. Повязываться галстук отказывался наотрез: узел перекашивало то вбок, то вверх. С тихой ненавистью распустив очередной неудачный узел, юный глава клана снова вдумчиво пытался совладать с непокорной деталью делового костюма. И вновь безуспешно.

У противоположной стены апартаментов работал огромный, почти во всю стену, головизор. Показывали «Банды фронта». В детстве Глам обожал это кино и мог пересматривать его целыми днями, снова и снова, представляя себя на месте хладнокровного Стального Джека и мудрого дона Скальци. Однако сегодня любимый фильм вызывал только глухое раздражение. За последний месяц Гламу пришлось пережить столько, что придуманные киношные страсти стали казаться ему нелепыми и пустяковыми. Он спровоцировал кровопролитную клановую войну, собственноручно уничтожил одного из самых грозных боевиков противника, потерял отца, вероломно убитого Колхейнами, завоевал сердце самой прекрасной женщины на свете, провел несколько суток в пыточном подвале противника и в конце концов стал главой ува-

жаемого столичного клана – такая молниеносная и головокружительная, полная невероятных виражей карьера не снилась ни дону Скальци, ни Стальному Джеку, ни Малышу Агавру.

Раздраженным щелчком пальцев Глам вырубил головизор и в очередной раз с бесконечным терпением, присущим настоящему мафиозному боссу, распустил непокорный узел. Он с огромным удовольствием сорвал бы с шеи проклятую удавку и отправил ее в окно, но он больше не был взбалмошным мальчишкой, над которым втихомолку посмеивались даже шестерки отца и которого покойный Джорджо Саггети порой бил до крови под горячую руку. Нет, теперь он сам был главой влиятельной семьи, слово которого стоило дороже бромикана и мнение которого имело серьезный вес в глазах других мафиозных семей Талгола... Впрочем, он отчетливо понимал также, что унаследовал лишь часть авторитета отца, что старые семьи считают его никчемным выскочкой, которому помогло неимоверное стечение обстоятельств, и значит, возникнет более чем достаточно желающих попробовать его на прочность. Сегодня как раз был один из таких дней – когда медленно и незримо кружившие вокруг него хищники глубин непременно попытаются определить, какой величины кусок собственного мяса он готов им отдать, чтобы они не бросились на него все разом и не принялись бешено терзать, растаскивая на кровавые ошметки...

– Не получается, милый? – На его плечи легли ласковые женские ладони. – Ну, ничего страшного. Давай-ка я тебе помогу... – Двумя движениями Джулия завязала на Гламе галстук и осторожно потянула, покрепче затягивая узел, который вышел идеальным. – Вот и все.

Саггети поймал ее левую кисть, приложил к губам.

– Спасибо, дорогая, – сказал он, разглядывая себя в зеркале. – Но... Я должен сделать это сам. Таким был мой отец. И если я не могу даже самостоятельно завязать галстук, на что я вообще гожусь?

Он рывком ослабил узел.

– Таким ты нравишься мне еще больше, – с тихим восторгом проговорила Джулия. – Ты настоящий мафиозо. Как же я рада, что не ошиблась в тебе...

Глам еще раз попытался повязать галстук и снова потерпел неудачу. Сердито засопел, опустив руки.

– Может быть, ты все-таки разрешишь мне помочь тебе? – мягко спросила Джулия. – Не думаю, что из-за пустяка стоит опаздывать на встречу подобного уровня.

Глам развернулся, обнял ее, прижал к себе.

– Как бы поступили на моем месте великие мафиози древности? – задумчиво сказал он. – Знаешь, когда-то было предсказано, что тот, кто сумеет развязать знаменитый Гордиев узел, подомнет под себя весь наркотрафик одного из земных континентов. Вот только узел был невероятно сложным, и уважаемые доны, пытавшиеся его распутать, лишь запутывали его еще больше. А потом пришел Александр Македонский. Ну, тот самый, который изобрел стрельбу по-македонски, с двух рук сразу. Сначала он тоже ковырялся с узлом, как и прочие смертные, а потом, поняв, что это занятие для дебилов, выхватил свою верную навагу и разрубил узел одним ударом. После чего действительно стал величайшим боссом эпохи...

Джулия смотрела на него во все глаза. Глам распустил очередной неудавшийся узел, сорвал галстук с шеи и швырнул его в угол.

– Пусть привыкают, – негромко, но веско проговорил Саггети. – Пришло новое время. Молодые и сильные выживут старых и больных. Если дело в галстукке, а не во мне, пусть ведут переговоры с галстуком.

Джулия застонала от вожделения.

– О, мой босс! – задыхаясь, проговорила она. – Как жаль, что тебе уже пора ехать...

Глам поспешно бросил взгляд на часы.

– Минут двадцать у нас еще есть.

Он подхватил ее на руки и потащил, довольную, покрасневшую и болтающую ногами, в спальню.

– В связи с этим я от имени всех благородных семей Тахомы хотел бы сердечно поздравить уважаемого дона Глама с новым статусом главы солидного и авторитетного семейства, а также засвидетельствовать ему наше глубочайшее почтение.

Гвидо Каперони был сама любезность. Казалось, его совершенно не беспокоит ни двадцатиминутное опоздание свежее испеченного дона, ни вызывающая небрежность в его костюме, выражавшаяся в отсутствии галстука, ни чересчур вольная поза молодого Саггети.

Главы пяти влиятельных мафиозных кланов Тахомы собрались в роскошном конференц-зале девятизвездочного отеля «Пасадена», чтобы выразить почтение своему новому коллеге. Совсем недавно их было шесть, но шестой, к сожалению, прибыть на встречу не мог – грозный мистер Колхейн был убит вражеским снайпером, а остатки его разгромленного в грандиозной гангстерской войне клана оказались поглощены семейством Саггети. Кроме всего прочего, авторитетным боссам было крайне любопытно взглянуть на этого мальчишку, который не был даже официальным наследником дона Джорджо – и вдруг за короткое время сумел не только выдвинуться, но и залезть на самый верх властной пирамиды, оттеснив или нейтрализовав более вероятных претендентов на престол, старейших членов клана, начинавших еще с его отцом.

Мальчишка произвел на боссов самое неприятное впечатление. Он непростительно опоздал, он был небрежен в одежде, он вел себя неподобающе дерзко и безо всякой почтительности, которая совершенно необходима новому члену мафиозного круга столицы, если он хочет, чтобы его принимали на равных. Он был выскочкой, едва ли способным удержать ту власть, которая внезапно сама упала ему в руки. В конце концов, он был недопустимо молод, и боссов коржило от одной мысли о том, что судьбоносные вопросы бизнеса придется решать с сопляком, который годится им в сыновья, а кое-кому уже и во внуки.

Мистер Бенуцци удивленно и чуть насмешливо разглядывал его из-под густых бровей. Вместе с кланом Колхейнов он контролировал практически весь трафик бромикана в Тахоме. Теперь бизнес Колхейнов отошел по наследству сопляку. Правда, почти все их фабрики по производству наркотика оказались уничтожены в ходе клановой войны, но Саггети вполне были способны восстановить прежние объемы производства. Пока был жив Скала Колхейн, Джузеппе Бенуцци прекрасно понимал, что достигнутый в результате многолетнего кровопролития статус кво по бромикану – максимум, на что он может рассчитывать. Однако сейчас настал прекрасный момент для того, чтобы попытаться вытеснить внезапно ослабевшего конкурента с этого суперприбыльного рынка.

Ральф Вагнер, бывший боксер-тяжеловес, подобно Гламу вскарабкавшийся когда-то на престол своего клана волей случая, был мрачен, он пристально смотрел на молодого Саггети, словно выбирая, в какое место нанести сокрушительный удар. Он прекрасно помнил, каких усилий и унижений стоило ему войти в высшее общество авторитетных семей. Лишь бесконечная почтительность к старым боссам и полторы сотни боевиков, готовых в любой момент по его команде подняться в любом районе города, позволили дону Ральфу наконец заработать необходимый авторитет. И теперь ему было мучительно наблюдать, как высшее общество дружелюбно приветствует этого дерзкого мальчишку, пока еще не сделавшего ничего для столь радушного приема. Да, он каким-то чудом выиграл гангстерскую войну, но этого было мало для того, чтобы сидеть развалившись в присутствии полудесятка легендарных боссов, каждый из которых в свое время одержал не одну такую победу. И еще он теперь сконцентрировал в своих руках около половины объема продаж «черного одуванчика» и «холодка», а ведь Ральф уже почти договорился со Скалой о выгодном обмене его доли трафика дешевых наркотиков на некоторые активы клана Вагнеров, расположенные на востоке города. Да, Вагнеры немало

теряли на этой сделке, но зато, объединив трафик Колхейна со своим, они в перспективе могли бы жестко диктовать розничные цены – а Саггети всегда славились тем, что при всяком удобном случае сбрасывали цену до минимума, предпочитая брать объемом, и теперь под угрозой находились даже обычные прибыли синдиката дона Ральфа. Безусловно, у него имелись причины бессильно скрежетать зубами и нервно комкать салфетку.

В отличие от него, Исайя Берковиц был совершенно бесстрастен. Три десятка лет, которые он стоял во главе своего клана, приучили его надежно прятать эмоции. Мало кто мог переиграть Берковица в покер – старик блефовал настолько искусно, что порой сбивал с толку даже профессиональных шулеров. Его специализация вполне этому соответствовала. Ею были игровые заведения – как официальные казино, так и подпольные тотализаторы: петушинные и собачьи бои, смертельные поединки без правил, ночные автогонки на выживание в заброшенных песчаных карьерах. Клан Берковица тоже имел серьезные виды на часть бизнеса Саггети, поскольку Глам теперь контролировал доставшиеся ему в наследство от папеньки лакомые игровые заведения в центральных районах. Или полагал, что контролирует. Этот вопрос старик Исайя и жаждал уточнить. Однако едва ли кто-нибудь мог сейчас сказать наверняка, что творится на душе у старого Берковица.

Мистер Джеймс Мэннинг, пожалуй, был единственным из присутствующих, кто не имел серьезных претензий к Гламу. Его территории располагались слишком далеко от территорий Саггети, чтобы пытаться удержать новые приобретения, даже если те вдруг ему достанутся; его бизнес совершенно не пересекался с бизнесом новоиспеченного главы клана – папаша Саггети, убежденный католик, всегда старался держаться подальше от порнографии, а попытки Колхейна влезть на территорию Мэннинга заканчивались крахом по чисто экономическим причинам. За годы выпуска запретного порно с настоящими истязаниями и убийствами люди дона Джеймса достигли в этом высшего пилотажа, и любительские поделки Колхейна просто не выдерживали конкуренции. Мэннинг даже ни разу не поднял этого вопроса в переговорах с ныне покойным коллегой, совершенно уверенный, что такие пустяки не стоят нервов, потраченных на разбирательство. Контрабандой же, также составлявшей значительную статью дохода клана Мэннинга, ни Колхейн, ни Саггети всерьез не занимались; здесь дону Джеймсу приходилось конкурировать скорее с Каперони и Берковицем.

Что касается дерзости юного Саггети, то Мэннинг когда-то и сам был таким. Власть тоже досталась ему по наследству, правда, тогда его поддерживали авторитет и советы отца, ушедшего на покой дона Бартоломью, и Джеймс ощущал за собой крепкий тыл. Радужные воспоминания о золотом прошлом заставляли его со снисходительностью относиться к этому волчонку, оскалившему зубки и полагающему, что теперь весь мир у него в кармане. Разумеется, рано или поздно суровая действительность макнет его головой в унитаз и, скорее всего, неоднократно, поэтому мистер Мэннинг не видел пока особых причин раздражаться. Он вообще не любил раздражаться по пустякам. Всему свое время.

Глам исподлбья разглядывал сидевших перед ним боссов и почти физически чувствовал надменное презрение, исходящее ими. Он еще больше развалился в кресле, демонстративно закинул ногу на ногу. Внутри его всего трясло, он ощущал неприятную сухость во рту, но внешне старательно сохранял хладнокровие. Старые пердуны должны видеть на этом месте не его, а его покойного отца – фигуру крепкую и солидную. Они будут уважать его, чего бы это ему ни стоило.

– Спасибо, благородные доны, – негромко произнес он, величественно шевельнув пальцами правой руки, униженными перстнями клановой власти. Перстни уже были обжаты по размеру и больше не сваливались с худых суставов. – Я рад поблагодарить вас за оказанную мне высокую честь быть допущенным в ваш круг.

Вагнер фыркнул – чуть громче, чем следовало бы для того, чтобы просто прочистить горло. Каперони посмотрел на него с мягкой укоризной, затем снова перевел взгляд на сидев-

шего перед ними мальчишку – жалкого, нелепого, смешного в своем стремлении копировать жесты и интонации отца. У него это выглядело глупой пародией, хотя сам он, похоже, даже не догадывался об этом.

– Для нас честь приветствовать в своем кругу нового главу клана Саггети, – проговорил Каперони.

Основным бизнесом Гвидо Каперони, помимо легальных грузоперевозок и денежных переводов, был рэкет мелких предпринимателей и коммерсантов, и здесь его интересы весьма серьезно пересекались с интересами покойного мистера Колхейна – а значит, теперь и с интересами ослабленного кровопролитной войной, но приросшего новыми территориями и новым бизнесом клана Саггети.

Мистер Каперони любезно улыбнулся и сцепил перед собой пальцы.

– Что ж! Полагаю, теперь мы все как одна семья можем обсудить кое-какие вопросы, назревшие в связи с последними событиями, и высказать свои соображения по этому поводу.

Глам подобрался. Итак, с глупыми формальностями покончено, начинается то, ради чего они сегодня собрались.

Глубоководные твари нацелились на свой кусок мяса.

Глава 2

Глам ворвался в апартаменты как вихрь. Яростно отбросил с пути некстати подвернувшееся под ноги кресло, сорвал с себя пиджак, швырнул его на диван. Уперся лбом в поляризованное стекло окна и замер, свирепо двигая желваками и глядя в никуда.

– Как все прошло?

Вопрос, невинным тоном заданный Джулией, определенно был лишним. Глядя на перекошенное от бешенства лицо Саггети, можно было с уверенностью сказать: все прошло препаршиво.

– Они потребовали Тунтаун, Шелбивиль и Спрингфилд! – с ненавистью процедил Глам. – Они потребовали мою долю в производстве бромикана и в игорных заведениях Огденвиля. Они обложили меня со всех сторон!..

Если бы Глам молниеносно обернулся, он, возможно, успел бы заметить на лице подруги легкий оттенок удовлетворения, словно все происходило в соответствии с ее расчетами. Хотя вряд ли: Джулия мгновенно справилась с собой и изобразила искреннюю гримаску участливого сожаления.

– Господи, эти люди никак не хотят оставить нас в покое! – Она привычно прильнула к нему сзади, ласково обхватила руками.

Глам устало прикрыл глаза. Джулия была его тихой гаванью, его талисманом, его женщиной, которой он безмерно доверял. Обычно самые удачные планы и блестящие решения приходили ему в голову после общения с подругой. Он не понимал, как такое происходит, и ему в общем-то было все равно. Главное, что из ее глупой болтовни, из ее вздорного бабьего щебетания и бредней порой выкристаллизовывались крайне дельные мысли. Разумеется, сама она вряд ли сумела бы придать им законченную форму, для этого требовался Глам – серьезный мужчина и солидный босс, способный направить мозговой штурм подчиненных в нужную сторону, эффективно обработать накреативленный ими материал и собрать его в единый кулак.

– Они все против тебя, да? – мягко поинтересовалась Джулия. – Все эти напыщенные индюки, считающие себя хозяевами города?

– Не все, – нехотя проговорил Глам. – Мэннинг мне не враг... но и четверых остальных вполне хватит, чтобы с гарантией уничтожить наш бизнес и пустить нас по миру!

– А как бы поступил на твоём месте твой отец? – поинтересовалась Джулия. – Что должен сделать настоящий босс, чтобы отстоять свое достоинство и свой бизнес?

– Настоящий босс должен атаковать противника и уничтожить его прежде, чем тот сумеет причинить ему непоправимый ущерб, – тоскливо проговорил Глам. – Только в нашем случае это самоубийство. Против нас пять самых мощных семейств Тахомы...

– Четыре, – деликатно поправила Джулия. – Четыре семейства. Ты же сам сказал, что Мэннинг нам не враг. Знаешь, как говорил один древний мудрец: кто не против нас, тот с нами?

Глам передернул плечами.

– Нет, милая, – устало сказал он, – Мэннинг не с нами, он просто не против нас.

– Но ведь это же лучше, чем если бы он был против нас, правда?

– Конечно. Но...

– Если бы только можно было склонить его на нашу сторону! Наверное, это сразу изменило бы расклад сил.

– Это невозможно, любовь моя, – произнес Глам. – Хотя... Наверное, не так уж и невероятно заключить с кем-нибудь сепаратный договор. Бросить псам кусок мяса пожирнее... – Он задумался. – Совершенно не вижу, почему бы двум благородным донам не заключить мир на взаимовыгодных условиях. Тот же Мэннинг...

– Хотя ты же сам сказал, что он не с нами. Ему от нас ничего не надо. Чем ты сможешь его заинтересовать?

– Да, ты права, Мэннинг не годится. Может быть, Берковиц? – продолжал размышлять вслух Саггети. – Отдать ему эти чертовы казино, и пусть встанет между нами и Каперони...

– Старикашка, – сморщилась Джулия. – Как и Бенуцци, между прочим. Не люблю старикашек. Склероз, маразм... Неужели нам нельзя заключить этот самый, как его... паратный договор с кем-нибудь поадекватнее?

– Бенуцци определенно не годится, – кивнул Глам. – Я бы не стал и предлагать. Там слишком большой конфликт интересов. А Каперони возглавляет эту шайку стервятников после смерти Колхейна. Значит, остается Вагнер. – Он покачал головой. – Вагнер меня ненавидит.

– Нет такой ненависти, которую не могли бы перевесить хорошие барыши, – заметила Джулия.

– Верно, верно. – Саггети задумался. – И может быть, это реальный шанс...

Джулия едва заметно усмехнулась. На ум ей пришел диалог из одного старого ехидного мультика, в котором советник американского президента, злобный шулер, предложил туповатому главе государства на выбор пять решений возникшей кризисной проблемы:

– Выбираю третье.

– Попробуйте еще раз.

– Один.

– Больше.

– Пятерка.

– Это слишком много.

– Три.

– Это вы уже называли.

– Шесть.

– Тут нет шести!

– Два.

– Уверены?

– Четыре!

– Как скажете, сэр.

В общении с Гламом порой приходилось брать на вооружение методы мультяшного потенциального противника, чтобы добиться нужного Горностаям результата.

Отлипнув от окна, Глам вывернулся из объятий Джулии, подобрал свой брошенный пиджак и направился в ванную. Он уже вполне овладел собой, перед ним явно забрезжил свет в конце туннеля.

– Переоденься, дорогая, я хочу немедленно собрать совет.

Через час в кабинете руководителя «Саггети Корпорейшн» собрался весь новый генералитет клана – сам глава и поднявшиеся из низов люди, которым он мог доверять: Джулия, Кенни Бампер, Стив Кувалда и Оззи Пастор. Глам не был уверен в безупречности стратегических талантов новой гвардии, но особого выбора у него не имелось – более старые и опытные члены обоих объединенных кланов были поголовно выбиты в ходе клановой войны, а также в недавней страшной бойне в здании «Колхейн Индастриз». С теми, кто сейчас собрался на кризисный совет, Саггети хотя бы сражался плечом к плечу и одерживал блестящие победы над Колхейнами, а пришедший со стороны Кувалда был горячо рекомендован неистовым Бампером.

– Вот такие условия мне выдвинули, господа, – закончил свое повествование Глам. Он уже окончательно справился с паникой и теперь держался с подчеркнутым достоинством истинного босса. – Разумеется, очень вежливо и с ядовитыми улыбочками, мотивировав свой

ультиматум необходимостью снова навести железный порядок в криминальном мире столицы, несколько расшатанном последней клановой войной. Провести новые границы, определить новые зоны влияния, сложившиеся после падения империи Колхейнов... Суть от этого не меняется. Одним словом, мне недвусмысленно намекнули, что удержать новые приобретения мы не в состоянии, и поэтому, во избежание большой крови, нам следует добровольно поделиться половиной контролируемой территории и двумя третями бизнеса. Самой прибыльной половиной территорий и наиболее лакомыми двумя третями бизнеса, надо заметить.

– Это смертельное оскорбление, – мрачно проронил Бампер. – На такие условия соглашаться нельзя ни при каких обстоятельствах.

– Если мы попытаемся стоять на своем, нас сомнут, – возразил осторожный Пастор. – Клан серьезно ослаблен войной, всех активов Саггети и Колхейнов нам все равно не удержать. Мы будем одни против пяти старых семей Тахомы. У нас нет шансов. Надо соглашаться на предложения этих кровососов. Все равно после победы над Колхейнами мы захватили больше, чем способны переварить.

– Чепуха, – вмешалась Джулия. – Когда мы расстанемся с лучшими активами, клан окажется ослаблен еще больше, и растоптать нас станет гораздо проще. Ну, или выдвинуть новые требования, и так до бесконечности. В общем, вопрос будет только во времени – сокрушат нас сейчас или позже.

Глам стиснул зубы. Об этом он уже размышлял, и неоднократно. Было совершенно ясно, что, раз запустив зубы в чужой пирог, конкуренты на этом не остановятся. Альтруизм никогда не был в чести у мафиозных семейств – разумеется, если он в дальнейшем не окупался с хорошими процентами. И чем больше станешь им уступать, тем более будет ослабевать клан и тем более будут возрастать аппетиты конкурентов.

– Мы могли бы заключить временный тактический союз с одним из конкурентов, – произнес он. – Это остудило бы некоторые горячие головы. Однако не следует забывать, что в любом случае это на время, и в конце концов нам понадобится рассчитывать только на свои силы. И скорее раньше, чем позже.

– Значит, нужно немедленно укреплять клан, пока снова не установится баланс сил, – изрек Кувалда. – Другого выхода нет, ман.

– Это очевидно, – кивнул Глам Саггети. Лицо его страдальчески искривилось. – Но война с Колхейнами высосала нас досуха. Бизнес в развалинах. Фабрики бромикана еще только предстоит восстанавливать, многие точки разгромлены, сети распространения обескровлены...

Все понимающе и скорбно закивали. Во время боевых действий обе стороны нещадно уничтожали дилеров друг друга, стараясь перекрыть противнику как можно больше каналов поступления финансовых средств. Все присутствующие лично приложили к этому руку.

– Да и с людьми сейчас большая проблема, – развил тему Пастор, когда босс замолчал, – война подчистила весь стратегический резерв. Все, что осталось, – шпана. Мы не сможем достаточно быстро набрать необходимое для новой войны количество боевиков. Разве что каких-нибудь молодых отморозков или хичеров, которые в панике разбегутся сразу после того, как появится первый труп. Да и стоит только пойти слухам...

Он не договорил, но всем присутствующим было ясно, что он имеет в виду. Как только появится малейший слух о том, что Саггети собираются ввязаться в новую войну, да еще с несколькими крупнейшими кланами сразу, не то что новых людей набрать не получится – свои бы не начали разбегаться. Клан, как ни крути, – это бизнес. Джентльмены приходят в бизнес, пусть и рискованный, и остаются в нем, пока навар заметно превышает риск. Но как только соотношение меняется, любой разумный человек сразу же начинает искать способ минимизировать свои риски. Например, присоединиться к более успешному бизнесу...

– А почему бы нам не попробовать нанять кого-нибудь со стороны? – поинтересовалась Джулия. – Крутых парней, не имеющих никакого отношения к бизнесу?

Все уставились на нее. Пастор – брезгливо (он так и не смог принять того факта, что шлюха босса на равных участвует в совещаниях верхушки клана и периодически изрекает чудовищные глупости), Кувалда – озадаченно, Бампер – заинтересованно, а Глам – уныло.

– Со стороны? – переспросил Оззи, поняв, что никто не желает взять слова. – Простите, мэм, но это исключено.

– Но почему? – взмахнув ресницами, простодушно поинтересовалась Джулия. – Вон Бампер или, например, Кувалда – парни со стороны. И вполне вписались в клан.

Пастор покосился на Бампера и Кувалду, которые пристально смотрели на него. Новые любимчики шефа, видите ли. С ними следовало держать ухо востро. Да и с этой сучкой тоже. Нет, он ничего не имел против Джулии, она была шикарной телкой и неплохо показала себя во время противостояния с Колхейнами. Однако все равно не дело, когда женщины лезут в мужские дела. Место шлюхи – постель, салон красоты, бутик каких-нибудь модных тряпок и зал ювелирного магазина. Вот там пусть и разевает свой соблазнительный ротик.

– Понимаете, мэм, – тщательно подбирая слова, проговорил Пастор, – если бы мы смогли заполучить в команду несколько десятков таких парней, как мистер Бампер и мистер Кувалда, все проблемы, несомненно, были бы решены. Но постороннему человеку довольно сложно попасть в наш бизнес.

– Почему?

Кувалда поднял ладонь.

– Если вы имеете в виду Звездных Тюленей, к которым мы имеем честь принадлежать, то тут он совершенно прав. Тюлени – это элитные десантно-космические подразделения, ман, белая кость. Мы идейные ребята и в основном шли в десант не ради денег, а из истинного, глубокого патриотизма. Мы шли защищать Соединенные Миры и всю человеческую цивилизацию от жадности китайцев, коварства лигистов и варварства русских. Да, после позорного Ипалайского конфликта, когда эти дерьмовые политики сделали из нас козлов отпущения, большинство из выживших ветеранов разбежалось по галактике. Сейчас нашим приходится туго, и братья берутся за любую грязную работу, ман. Но эта работа, которую вы собираетесь им предложить... как бы это сказать... она слишком уж грязная. Я бы никому не советовал делать Тюленю предложение присоединиться к криминальному бизнесу, это может закончиться травмой... При всех своих закидонах ребята ощущают себя по ту сторону закона. И скорее предпочтут перебиваться случайными заработками с той стороны, ман, чем получать нормальные деньги с этой. Не тот моральный уровень...

– Ну, мы-то с тобой прекрасно вписались в бизнес, – ровным тоном проговорил Бампер. Ему совсем не хотелось, чтобы Стив продолжал разглагольствовать в таком же духе в присутствии потомственных мафиози.

– Мы – исключение, – отмахнулся Кувалда. – У тебя, ман, просто не было другого выхода – или вписаться в бизнес, или после попыток погибнуть от рук Колхейна, который разыскивал убийц своего сыночка. А я совсем подыхал с голоду, и на хвосте у меня висели разъяренные таксисты с Острича, ман, которым я до сих пор должен три кредитные выплаты за сожженную машину. Кстати, надо бы наконец послать им анонимным переводом, теперь я при деньгах, а парни ни в чем не виноваты... Короче, если мы сумеем наскрести по галактике еще пару-тройку рыбой ушибленных вроде нас с тобой, ман, считай, что нам крупно повезло. Но это в любом случае не решит наших проблем. Никто не станет связываться с гангстерами, понимаешь?

Саггети мрачно кивнул. Он и без Кувалды знал, что их почтенный семейный бизнес вызывает необъяснимую аллергию у обывателей. А Звездные Тюлени были обывателями в кубе, ибо чем еще можно объяснить то, что здоровые парни готовы в любой момент отправиться к черту на рога и, не задумываясь, отдать свои молодые жизни ради того, чтобы прави-

тельство торжественно воткнуло в радиоактивный песок мертвой планеты очередной звездно-полосатый флаг?..

– А может, мы вовсе и не мафиозный клан? – вдруг снова подала голос притихшая было Джулия.

Переглянувшись, Кувалда и Пастор саркастически скривились. Однако Бампер встрепенулся:

– О чем это ты?

Джулия тонко улыбнулась:

– Ну, раз они брезгают вступать в мафию, может быть, нам следует приобрести в их глазах более уважаемый вид? Допустим, нанимать их в частную охранную структуру. Или еще лучше – в вольные рейнджеры фронта. Рейнджеры Саггетти! А?

Глам удрученно помотал головой:

– Дорогая, я уважаю твоё увлечение каналом «Дискавери», но эта древняя чепуха не имеет никакого отношения...

Однако Кенни явно заинтересовался предложением Джулии.

– С вашего позволения, босс... – деликатно кивнул он Саггетти и обратился к девушке: – Значит, говоришь, рейнджеры? Черт, а ведь может сработать! Для тех, кто не в курсе, поясню, – он снова развернулся к совету. – Когда Соединенные Миры более ста лет назад проводили ураганную экспансию галактики, пытаясь опередить Российскую Империю, в нашем законодательстве появилось уложение о вольных рейнджерах. Дело в том, что новые миры мало было открыть, завоевать и колонизировать. Их необходимо было еще и удержать. Однако флот Соединенных Миров не мог надежно контролировать весь фронт – слишком огромные расстояния. Едва боевые корабли покидали определенный сектор первопроходцев, в нем тут же в разы повышалась пиратская активность. Колонии не просто грабили – порой их вообще вырезали под корень. Неспособные контролировать ситуацию, власти взяли пример с русских и возложили обязанность защищать колонии на самих колонистов. Им разрешалось создавать состоящие из гражданского населения вольные рейнджерские подразделения, а тем, в свою очередь, приобретать личное стрелковое оружие и даже тяжелое армейское вооружение для обороны своих планет. Разумеется, это было чревато многочисленными мятежами, поэтому задержание рейнджеров против правительственных войск приравнялось к тягчайшей государственной измене. Однако использование их против агрессивно настроенных частных лиц и объединений всячески поощрялось. В последние десятилетия фронт отодвинулся в глубь космоса, однако статус приграничного мира для Талгола, насколько я понимаю, еще никто не отменял.

– Боевиков конкурирующих кланов вполне можно приравнять к агрессивным частным лицам и объединениям, посягающим на правопорядок в колонии Талгол, – Кувалда понимающе кивнул.

– Именно! Мы же получаем легализацию наших вооруженных формирований, а для Звездных Тюленей – моральное основание присоединиться к нам. Мы ведь, выходит, не какой-нибудь криминальный гангстерский клан, мы отряд самообороны!

– Тогда получится, что мы берем на себя функции полиции, – возразил Пастор. – Ей это вряд ли понравится.

– Ни черта! Мы помогаем полиции и сотрудничаем с ней в ее нелегком деле борьбы с преступностью. С точки зрения закона подкопаться под нас будет невозможно...

– Да ты что?! – внезапно взвился Глам. – С ума сошел? Никогда, слышите, *никогда* Саггетти не были легавыми! Ни разу в жизни ни один из моих предков не запятнал себя сотрудничеством с полицией! В глазах старых мафиозных семейств безупречная честь семьи Саггетти – это... это...

Все молчали, глядя на налившееся кровью лицо главы клана, который задыхался, не находя слов от ярости. Сейчас он страшно напоминал разозленного мальчишку, получившего по ногам во время игры в стилетбол.

– С вашего разрешения, босс, – деликатно произнес Кувалда. – Мы, конечно, поступим, как скажете, но... честь хороша, если дела идут в гору. Однако когда речь идет о выживании клана, ман, достойны любые недозволенные приемы. Бампер дело говорит. По-моему, нам уже не стоит беспокоиться о том, чтобы потерять благосклонность старых мафиозных семейств: все уже и так против нас.

– Милый, – мягко сказала Джулия, – вспомни дона Александро Македоно. Если бы он задумывался о гангстерской чести и пытался честно распутать тот узел, он бы так и остался одним из многих. А он не стал следовать древним правилам игры, он сам придумал собственные правила для игры с миром – и всем остальным пришлось покориться. А потом правила, придуманные доном Александро, сами стали вековым традиционным законом, которому следовали многие поколения благородных донов.

Глам злобно зыркнул на нее, все еще пытаясь от возмущения.

– Ты уже заставил их проглотить одно нововведение, придя на совет семей без галстука, – продолжала Джулия. – И никто не сказал тебе ни слова. Если мы сумеем противопоставить им мощную силу, ты сможешь сам диктовать им новые традиции и собственные понятия о чести.

– Но меня не поддержат мои же люди, – уже немного остывая, недовольно проговорил Саггети. – Это же против всех мафиозных правил! Что я им скажу?..

– Рэнди Копыто и Берт Зомби тебя точно не поддержали бы, – согласилась Джулия. – Только все старые члены клана мертвы. Вот посмотри: кто не поддержит тебя в этом кабинете? А ведь здесь сейчас вся верхушка клана!..

Ощувив, что босс понемногу поддается на уговоры своей шлюхи, Оззи Пастор раскрыл было рот, чтобы возразить, но, заметив, что остальные не спешат возмущаться, тут же его захлопнул. Следовало держать нос по ветру и особо не высываться, чтобы не схлопотать по лбу.

Глам несколько мгновений мрачно молчал, а затем решительно и упрямо мотнул головой.

– Нет. Не годится. Если бы можно было сделать это, всего лишь поменяв вывеску... полагаю, папаша Динелли при помощи своих юридических талантов провернул бы это за один день. Но ведь стоит только этим вашим ветеранам появиться здесь, и весь обман раскроется. Значит, чтобы вариант с Тюленями сработал, нам действительно придется отказаться от традиций семьи, от чести клана, то есть не притвориться, а реально стать этими чертовыми рейнджерами. А в таком случае от нас отвернутся даже рядовые бойцы семьи. Семейные традиции складывались веками не для того, чтобы от них можно было запросто отмахнуться.

Пастор облегченно выдохнул. Джулия с Бампером обменялись молниеносными взглядами.

– Значит, так, – заявил Саггети. – К черту Тюленей. Попытаемся максимально использовать наши возможности. Пастор, займись серьезными клиентами. Передай им, что я требую немедленных выплат за следующий месяц. Кувалда – ответственный за восстановление поставок бромикана. К вечеру мне соображения и список действий на этот счет. Разрешаю задействовать любых консультантов из числа наших инженеров. Бампер, на тебе наем новых боевиков и ревизия наличных сил. Мне надо знать, кто из наших людей чего стоит, а то мы собирали их с бору по сосенке. Возьмешь себе в помощь кого хочешь из бригадиров. Я со своей стороны попытаюсь заключить союз с одним из наших противников и тем самым ослабить единый фронт врага. Господа, пока это все, но завтра жду от каждого подробный отчет...

Глава 3

Уютно устроившись в шикарном кожаном кресле в своем новом кабинете, Рэк Ормонт с удовлетворением озирает происходящее в его стриптиз-клубе через множество мониторов, расположенных на противоположной стене. Рыжая стерва все-таки озолотила его – пусть даже и не при помощи своих пикантных танцев. Мистер Колхейн как истинный благородный дон всегда был щедр, и когда Рэк с потрохами сдал ему шлюху вместе с мальчишкой Саггети, осыпал владельца ночного клуба зелеными бумажками. На эти деньги Ормонт прикупил себе новое помещение поближе к элитным районам столицы и девчонок классом повыше, чем те коровы, что выступали у него раньше. Теперь Рэк был спокоен за судьбу четырех бутылок неимоверно дорогого «Коньякозо», которые сдуру приобрел, когда с приходом Джулии его бизнес резко попер вверх. Более того, сегодня он заказал еще полдюжины: дела снова шли более чем неплохо. Заведение понемногу нарабатывало солидную постоянную клиентуру и становилось чертовски респектабельным. Новая прима мало чем уступала крошке Джулии (хотя начинала, между прочим, втрое больше), да и другие стриптизерши умели дать перцу. Деньги текли рекой. В общем, Ормонт вполне мог бы сказать, что жизнь удалась, если бы не одно серьезное «но».

Он всегда страшно не любил проблемы. А сейчас над его головой висела весьма серьезная проблема. Едва рыжая Джулия появилась в поле зрения Рэка Ормонта, его жизнь превратилась в одну сплошную проблему – хотя финансовые дела, как ни странно, шли при этом все лучше и лучше.

За голову своей бывшей танцовщицы Ормонт получил сумасшедшую по его понятиям сумму. Но все вышло далеко не так просто и красиво, как он рассчитывал. Он полагал, что несокрушимый клан Колхейнов мгновенно растопчет противника, и в дальнейшем спросить с Рэка за предательство будет некому. Однако случилось невероятное: Скала Колхейн был повержен, а малышка Джулия и Глам Саггети, которых Ормонт продал за тридцать сребреников, внезапно оказались на коне. И с тех пор хозяин стриптиз-клуба потерял сон и аппетит, потому что каждую секунду ждал стука в дверь – а то, что рано или поздно к нему придут и вежливо *поинтересуются*, не передавал ли он сведения о *том самом* звонке Джулии третьим лицам, Ормонт даже не сомневался. А потом пыточные подвалы, мясницкий крюк, многодневная агония... И самое страшное – ехидная ухмылка рыжеволосой стервы, смертельно унизившей его в очередной раз.

Правда, время шло, а Саггети так и не пытались призвать Рэка к ответу. Видимо, девочка оказалась слишком тупой, чтобы сложить два и два. Однако опасность все еще сохранялась – ведь однажды Глам разберется с неотложными делами, свалившимися на него в связи с объединением с разгромленным кланом Колхейна, и неизбежно задастся вопросом: а каким же это образом противнику удалось узнать об их тщательно скрываемом секретном убежище? Вполне возможно, что Джулия помалкивала еще и по этой причине – ведь в противном случае ей придется признать, что всему виной стал ее беспечный звонок подружке Рэку. Тогда она запросто может составить ему компанию на мясницком крюке.

В любом случае осторожность лишней не была. Ормонт нанял себе двух телохранителей, крепких ребят, которые, правда, громиле Бамперу и в подметки не годились, однако вполне могли уберечь от досадных пустяков типа ножа в печень в темном переулке. Рэк понимал, что, если мафиозный клан всерьез поставит себе задачу убить его, телохранители не станут особым препятствием. Однако так все равно было спокойнее.

Ормонт вполне осознавал, что предпринимать более серьезные шаги к обеспечению собственной безопасности имеет смысл на более высоком уровне. Именно поэтому он на следующий же день после побоища в здании «Колхейн Индастриз» пошел на поклон к мистеру Капе-

рони. Если бы Рэк по-прежнему платил Саггети, его жизнь висела бы на волоске. Но если теперь Глам решит убрать владельца крупного ночного клуба, находящегося под покровительством и охраной донна Гвидо, это вызовет неизбежный конфликт интересов и столкновение между двумя кланами, совершенно не нужный семейству Саггети, положение которого в настоящий момент и так крайне неустойчиво.

Пискнул наушник-серьга.

– Босс, – негромко сообщил охранник на дверях, – мистер Пастор...

Ормонт встрепенулся, торопливо отодвинул кресло, выскочил из кабинета, бросился вниз по металлической лестнице, дав знак стоявшему неподалеку от дверей телохранителю следовать за ним. Второй бодигард маячил у стойки, и Рэк взмахом руки велел ему присоединиться к ним.

Пастор в сопровождении двоих боевиков Саггети неторопливо прошел в зал. Изображая радушного хозяина, Ормонт двинулся ему навстречу. Следовало проявить хотя бы минимум уважения – Оззи Пастор сейчас занимал в семействе Саггети довольно высокий пост, и то, что для разборок был прислан мафиозо такого ранга, свидетельствовало, что Ормонта уважительно считают крупной фигурой, для которой оскорбительно общаться с рядовыми сявками. Впрочем, это также могло иметь причиной то, что у Саггети совсем плохо с людьми и работу обычного бригадира приходится выполнять смотрящему по району.

– Мое почтение, Оззи. – Ормонт был расчетливо скуп на радушие, но все же достаточно приветлив. Стелиться перед Пастором он не собирался – тем более что хорошо знал его еще в те времена, когда тот шестеркой таскался из кабака в кабак за Гламом, паршивой овцой в семействе Саггети, которого дон Джорджо наотрез отказывался объявлять официальным наследником своей гангстерской империи.

– Здравствуйте, мистер Ормонт. – Оззи не принял панибратского стиля общения, хотя сам не далее как месяц назад, напившись вдрызг в компании своего непутевого босса, махал рукой Ормонту и орал на весь зал: «Рэк, чучело, тащи сюда своих самых умелых шлюх!» – У меня к вам деловой разговор. Могли бы мы побеседовать у вас в кабинете?

– Сожалею, мистер Пастор, – скорбно покачал головой владелец ночного клуба, – у меня в кабинете ремонт. – Не хватало еще общаться с этим громилой наедине в замкнутом пространстве, без верных бодигардов. Мало ли что придет ему в голову. – Но в вашем распоряжении любой свободный столик в моем заведении.

Выходец из бедных кварталов, не обремененный особой умственной деятельностью, Пастор почти не умел контролировать выражение своего лица. Судя по разочарованной физиономии, он как раз рассчитывал остаться с Ормонтом наедине и по результатам переговоров слегка подправить ему морду. Тем не менее сявочная, привыкшая подчиняться натура давала себя знать – Оззи нехотя кивнул и направился к столику посреди зала. Покойный Рэнди Копыто или легендарный Оби Ребро в такой ситуации просто вломились бы в кабинет Рэка и, устроившись поудобнее в кресле хозяина, фальшиво восхитились бы: «Гляди-ка, а ремонт-то уже практически закончен!» Однако Пастор еще не научился такой благородной наглости и всячески старался свести возможность конфликта к минимуму. И потому сразу поставил себя в положение уступающей стороны – а на ответственных переговорах это психологически очень важно. Раз уж ты начал уступать в мелочах, тебе проще будет уступить и в главном.

Они вшестером устроились за столиком, и по знаку Ормонта им всем принесли огненной бластерии. Это был еще один мелкий тактический успех Рэка – он ненавидел мерзкое виски, которое непременно заказал бы Пастор, тем самым заставив оппонента нервничать. Хозяин стриптиз-бара, правда, ни разу не видел, чтобы Оззи пил бластерию, но это уже была не его проблема.

– Итак, мистер Пастор, – поощрительно улыбнулся он, когда им молниеносно принесли заказ. – Я вас внимательно слушаю.

– Мистер Ормонт, мой босс был несколько удивлен, когда не получил от вас очередного взноса, – сразу взял быка за рога Оззи. Определенно, ему предстоял еще длинный и трудный путь, прежде чем он станет настоящим мафиозо – утонченным, хладнокровным, внушающим врагу смертельный ужас лишь двумя небрежно оброненными нейтральными словами о погоде, какими, скажем, были в свое время Скала Колхейн или Бобби Каток. – Дон Глам немного обеспокоен – не произошло ли у вас какого несчастья в семье и нет ли у вас затруднений с бизнесом. Вы ведь понимаете, мистер Ормонт, что всегда можете рассчитывать на нашу помощь в трудных ситуациях.

– О да, мистер Пастор, – с достоинством кивнул Рэк Ормонт. – Я всегда уважал благородное семейство Саггети и исправно платил дону Джорджо – всячески надеюсь, что ангелы в раю сейчас делают ему релаксационный массаж и почтительно подносят огонь к его сигаре. Однако времена меняются, мистер Пастор, меняются расклад сил и ситуация. Мне кажется, что я достаточно финансировал в свое время благородный клан Саггети, и в его нынешнем величии есть и моя скромная лепта. Но теперь, когда я вышел на новый уровень бизнеса, мне начинает казаться, что наше сотрудничество не приносит сторонам такого же удовлетворения, как раньше. Вы понимаете?

На несколько мгновений ошеломленный Пастор потерял дар речи. Однако затем с трудом взял себя в руки и с кривой ухмылкой напрямик поинтересовался:

– Рэк, дурья башка, ты что, отказываешься платить?

Господи, деревенщина. Нет бы ответить в романтическом духе истинных мафиози – дескать, в это время года орхидеи еще не зацвели, мистер Ормонт, и это очень печально, потому что они прекрасно смотрятся в погребальном венке; так что именно вы хотели сказать по поводу очередного взноса?..

– Нет, мистер Пастор, – хладнокровно произнес Рэк. На сей раз уже он не принял панибратского тона. – Я вовсе не отказываюсь платить. Как вы знаете, в нашем бизнесе такое невозможно. Я собираюсь платить и в дальнейшем. Однако я собираюсь платить людям, которые реально способны защитить меня и мой бизнес от неприятностей. Семейство Саггети переживает сейчас отнюдь не лучшие времена, я всячески сочувствую ему и желаю благополучно преодолеть кризис. Это вовсе не означает, что я бегу с тонущего корабля или хотя бы на мгновение усомнился в нашей старой дружбе. Однако в бизнесе нет такого понятия – старая дружба. Я готов тесно сотрудничать с тем семейством, которое наилучшим образом сумеет решить задачу обеспечения безопасности моего бизнеса. И в настоящее время таким семейством является клан Каперони. Если у вас возникнут какие-нибудь дополнительные вопросы по этому поводу, рекомендую обсуждать их с доном Гвидо. В противном случае, боюсь, вас неизбежно ожидает серьезный конфликт с этой могущественной организацией.

Ормонт изобразил самую широкую и радушную улыбку, на которую только был способен.

Оззи Пастор вскочил, едва не опрокинув стул. Его и без того напряженную физиономию перекосило, словно мафиозо схватился за оголенный электрический провод под напряжением.

– Ормонт, ты понимаешь, что ты покойник?! – прошипел он.

Рэк ответил на это еще одной ухмылкой. Пастор как был шестеркой, так ею и остался, несмотря на свое новое назначение. Он совсем не умел проигрывать. А вот дон Глам уже успел зарекомендовать себя рассудительным человеком и должен понимать, что если он покалительно разгромит заведение Рэка, то наказание от мистера Каперони в несколько раз перекроет то сомнительное моральное удовлетворение, которое можно получить от этой безрассудной акции. Что касается угрозы убийства, в сердцах извергнутой Оззи, то Рэк ни секунды не сомневался, что это исключительно от юношеской запальчивости. Если бы крышующие мафиози мочили крышуемых коммерсантов из-за каждого пустяка вроде этого, то вскоре либо не осталось бы коммерсантов, с которых можно взять дань, либо, что более вероятно, деловые люди нашли бы на озверевших бандитов другую управу. В конце концов, все течет и все

меняется, сегодня дерзкий предприниматель перешел под крыло к конкуренту, а завтра снова может оказаться в прежней сфере влияния вместе со своим бизнесом и продолжит укреплять мощь прежнего покровителя. Поэтому все благородные семьи предельно жестоко карали посягательства конкурентов на жизнь какого-либо из своих денежных мешков.

– Обратитесь с этим вопросом к мистеру Каперони, моему новому патрону, – Ормонт уже с трудом скрывал злорадство в голосе. – Я вас больше не задерживаю, джентльмены. – Он поднялся из-за стола. – Я сообщил вам все, что хотел. Барни, покажи гостям выход.

– Что, вот так прямо и сказал?

– Да, босс.

– Porca Madonna! – вне себя от ярости Глам Саггети вскочил с кресла и начал мерить свой кабинет стремительными шагами. Втянув голову в плечи, Оззи Пастор настороженно наблюдал за боссом. Тому было с чего беситься – подконтрольные клану бизнесмены, учуяв запах жареного, толпами переходили на сторону конкурентов, отказываясь платить привычную дань своему старому покровителю. Надежды на то, что клиенты безропотно профинансируют очередную клановую войну семейства Саггети, стремительно таяли. Из пяти крупных бизнесменов, которым Оззи сегодня нанес визит, один отказался вносить плату вперед, сославшись на трудности с бизнесом, а четверо без уверток, в открытую объявили, что ложатся под новых хозяев. Уже сама эта открытость была очень плохим признаком – некогда грозного семейства Саггети больше не боялись.

Отчет Пастора был не единственной причиной плохого настроения босса. Бампер с помощниками активно задействовал все возможные каналы и всех известных клану гангстерских вербовщиков, в том числе бармена Томми, который когда-то так удачно отыскал для Колхейнов непревзойденного снайпера Джо Стрелка. Увы, результат вышел неутешительным: как и ожидалось, завербовать в клан серьезных бойцов сейчас было практически невозможно. Стратегический резерв джентльменов удачи, готовых рискнуть головой за горсть монет, оказался вычерпан до дна войной с Колхейнами.

Наличные силы клана, ревизию которых оперативно провел Кенни, также находились в плачевном состоянии. Лучшие и проверенные бойцы были поголовно уничтожены в последней клановой войне. Две жесточайшие боины – в тайном убежище семейства Саггети и в «Колхейн Индастриз» – не смог пережить практически никто из стариков. Саггети по наследству от Колхейнов досталась в основном зеленая молодежь. Людей не хватало, а опытных людей не хватало катастрофически.

У Глама еще брезжила надежда на быстрое восстановление бромиканового производства, способное немедленно принести клану значительные средства, но и она рассеялась как дым, когда Стив Кувалда представил свой отчет. Во время войны Саггети под предводительством Бампера громили вражеские предприятия наотмашь, со смаком, не жалея ни оборудования, ни обученного персонала, чтобы противник наверняка не сумел наладить производство драгоценного наркотика в разумные сроки. Теперь этот диверсионный вандализм обернулся против самих Саггети. Работавшие с кланом инженеры полагали, что на восстановление хотя бы двух третей производственных мощностей потребуется не менее полугода и финансирование, равное половине бюджета клана. Ни того, ни другого Глам в сложившейся ситуации позволить себе не мог.

Глава мафиозного семейства снова упал в кресло. Стиснул подлокотники так, что перстни клановой власти скрипнули по лакированному дереву, оставив глубокие царапины.

– Спасибо, Оззи, – с достоинством проговорил он, едва сдерживаясь. – Это все. Можешь идти, друг мой.

Пастор поспешно вышмыгнул за дверь.

– Мы обложены со всех сторон, – угрюмо проговорил Глам.

Джулия негромко вздохнула в глубине кабинета.

– Что будем делать, мой босс? – спросила она.

Саггети безнадежно махнул рукой.

– Мне надо подумать.

Джулия послушно затихла в своем углу, понимая, что ее мужчина нуждается в абсолютном покое, чтобы принять нелегкое решение. Сейчас в его душе наверняка происходила страшная борьба, само его естество восставало против выхода, предложенного невестой и Бампером. Но все другие выходы, увы, были глухими тупиками.

Глам постукивал увенчанными перстнями пальцами по деревянным подлокотникам – неторопливо, палец за пальцем, совсем как отец. Взгляд его был устремлен в пространство. Наконец глава клана с трудом шевельнул пересохшими губами:

– Послушай, дорогая...

– Что, любимый? – с готовностью отозвалась Джулия.

Глам тряхнул головой. Помолчал. Подруга терпеливо ждала его слов.

– Готова ли ты идти со мной до конца? – наконец выдавил он.

– Конечно, мой босс!

– У нас еще есть время и неплохие активы... – Глам не смотрел на нее, однако она пожирала его взглядом, не совсем понимая, куда он клонит, какое решение он все-таки принял. – Я наверняка... я успею обналить кое-что – не так уж много, но нам вполне должно хватить...

– Для чего? – осторожно поинтересовалась Джулия, когда очередная пауза слишком затянулась.

– Для спокойной и обеспеченной жизни на Ниппоне IV. – Саггети упорно смотрел в сторону. – Если мы с тобой покинем Талгол в течение недели, эти проблемы больше не будут нас волновать...

Некоторое время Джулия молча, в упор разглядывала его.

– А как же клан, мой босс? – тихо, но с едва уловимым оттенком презрения проговорила наконец она. – Как же все те люди, которые безгранично тебе доверяют? Как же честь благородного семейства Саггети?..

Глам зажмурил глаза. Еще крепче впился руками в подлокотники. Его лицо исказила мучительная гримаса, будто слова Джулии причиняли ему нестерпимую боль.

– Ты что, вот так просто сбежишь, как мальчишка, у которого ничего не получилось? – негромко, но веско говорила Джулия. – Бросишь дело своих предков – после того, как мы только что отстояли ваш вековой бизнес в тяжелейшей и кровопролитной борьбе?!

– Послушай, дорогая... – жалобно произнес глава мафиозного семейства.

– Ничего не хочу слушать! Дон Глам, немедленно вставайте и деритесь, как мужчина! – Она стояла посреди кабинета, разгневанная и невероятно красивая. – Я не собираюсь быть женой труса и предателя! Неистовый и непобедимый дон Александро Македонский – вот для кого я готова быть нежной и любящей подругой! Мне нужен настоящий герой, и он у меня уже есть! А трус пусть убирается к черту!..

Саггети резко встал с кресла, подошел к невесте, порывисто обнял ее.

– Спасибо, дорогая, – произнес он, зарываясь лицом в ее волосы. – Прости меня. Я просто испытывал тебя... Ты совершенно права, я не имею права быть слабым. Я не имею права бросать этих людей и семейный бизнес. Лучше героическая смерть, чем бесчестье. – Он снова упал в кресло, машинально потирая пальцами левой руки внушительные клановые перстни на правой. Развернулся лицом к большому экрану на противоположной стене. – Соедини меня с мистером Вагнером. Я все-таки попытаюсь заключить с ним мирный договор, и это будет только первый шаг к тому, чтобы очистить город от конкурентов. – Он мгновение поколебался. – Впрочем, нет. Иди ко мне, моя тигрица. Пусть Вагнер подождет еще полчаса...

– Мистер Вагнер, – произнесла секретарша, осторожно просунув голову в парилку сауны, – с вами хочет говорить мистер Саггети.

– Какого черта, Нани?! – прорычал дон Ральф, смахивая полотенцем крупный пот с физиономии. – Меня нет! Я предаюсь вечернему отдыху!

– Я ему так и сказала, – терпеливо пояснила Нани. – Но он уверяет, что дело чрезвычайной важности и касается вашего бизнеса.

Вагнер страдальчески сморщился. Мальчишка знал, чем его поддеть. Вагнер не мог думать о суетных развлечениях, когда речь шла о святом – о бизнесе.

– Ну, хорошо, сейчас выйду. – Кряхтя, он стал медленно подниматься с деревянного полка. – Девочки, пошли, пошли! Массаж продолжим в кабинете.

Вывалившись из горячего отделения, мистер Вагнер с головой ухнул в огромный бассейн с проточной водой и неторопливо поплыл брассом к противоположному концу, где его уже ожидала на бортике банщица с мохнатым халатом в руках. Три обнаженные юные нимфы выскользнули из сауны вслед за ним и, звонко хохоча, попрыгали в бассейн, как веселые лягушки.

Выбравшись из воды и неторопливо облачаясь в халат, дон Ральф испытывал неопишемое удовольствие, предвкушая, как он сейчас тонко и со вкусом унизит этого мальчишку, который уже явственно почувствовал, что под его сковородкой развели огонь, и теперь старается любой ценой с нее прыгнуть. Разумеется, Вагнер не обольщался насчет того, будто Саггети лично набрал номер и сам смиренно убеждал секретаршу связать его с доном Ральфом. Это уже было бы чересчур, это уже было бы унижение первого сорта – для подобных пустяков существуют секретари и референты. Однако мальчишка попал в такую ситуацию, что дон Ральф не очень удивился бы, узнав, что именно так все и было.

Поманив за собой девочек, он неторопливо двинулся к своему кабинету. Они веселым табором расселись на антикварном диване, едва прикрыв наготу какими-то легкомысленными полупрозрачными простынками, а самую бойкую Вагнер водрузил себе на колени и величественно кивнул секретарше: можно соединять.

– Здравствуйте, дон Ральф, – проговорил Глам Саггети, глядя на него с экрана стационарного коммуникатора. – Мое почтение, дон Ральф, – добавил он с явным усилием, стараясь не смотреть на девицу.

– И вам не хворать, мистер Саггети, – преувеличенно приветливо отозвался Вагнер. – Простите мне мой костюм, но я уже собирался отойти ко сну. Вы ведь не сторонник консерватизма в одежде, насколько я помню?..

Уши молодого босса вспыхнули маковым цветом, но он сдержался.

– Разумеется, мистер Вагнер, – кротко отозвался он. – Прошу прощения, сэр, вы не могли бы отослать девушек? У меня к вам очень серьезный деловой разговор, и я хотел бы поговорить без свидетелей.

– А где ты тут видишь свидетелей? – чрезвычайно удивленный дон Ральф перевел взгляд на девчонку, с обезьяньими ужимками обнимавшую его за шею. – Эсмеральда, ты что, когда-нибудь была свидетелем?

– Нет, сладкий, – беспечно отозвалась та. – Ни разу. Ни капельки.

– Вот видишь? – Вагнер повернулся к Саггети. – Мы разговариваем без свидетелей. Итак, что ты хотел мне поведать? Только поскорее, не тяни, мое время драгоценно. Через четверть часа я планирую отправиться в постель. Скажем, у тебя есть пять минут.

Сузившиеся глаза Глама на секунду стали холодными и жесткими, но он снова мгновенно взял себя в руки.

– Я надеюсь, линия защищена от прослушивания, – с каменным лицом проговорил Саггети.

– Я никогда не пользуюсь открытыми линиями! – огрызнулся Вагнер. – У тебя осталось четыре минуты. Постарайся потратить их с пользой, мальчик.

Дон Ральф с удовлетворением отметил, что Глам побагровел от едва сдерживаемой kloчущей ярости. Казалось, еще секунда – и он взорвется от страшного внутреннего давления, а его ошметки разлетятся по всему кабинету. Однако юный босс снова пересилил себя.

– Что ж, постараюсь, – хрипло проговорил он. – Видите ли, мистер Вагнер, я хотел бы сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться...

Дон Ральф заинтересованно поднял бровь. Наглость сопливого дона настолько поразила его, что он даже позволил Саггети произнести еще несколько фраз вместо того, чтобы сразу прервать разговор. Затем позволил произнести еще несколько фраз, заинтригованный предыдущими.

– Брысь! – вдруг рявкнул он, стряхивая с колен Эсмеральду. – Пошли вон, малявки! Ступайте в бассейн и ждите меня там. – Дождавшись, когда за девушками закроется дверь, он снова повернулся к экрану: – Прошу прощения, мистер Саггети, этот разговор действительно следует вести без свидетелей. Не могли бы вы повторить то, что уже сказали? Значит, вы готовы уступить мне весьма значительные активы вашего семейства и весь рынок легких наркотиков в обмен на, скажем так, некоторое сотрудничество?..

Джулия сидела в апартаментах с альбомом итальянской живописи в руках, время от времени лениво перелистывая страницы. Впрочем, живопись ее в данный момент интересовала мало. Через клипсы-наушники она внимательно слушала беседу Глама с Вагнером. Саггети настоял на том, что дело это очень деликатное и строго конфиденциальное, поэтому, как она ни пыталась уговорить его взять ее с собой в качестве референта, он был непреклонен.

Впрочем, следовало признать, что Глам и без ее вмешательства виртуозно вел переговоры. Сказались их многочисленные постельные тренировки, во время которых Джулия старательно вдалбливала ему нужные положения договора, необходимые уступки, важные требования – причем все это приходилось проделывать так, чтобы Глам считал, будто он сам формулирует нужные положения договора, предлагает необходимые уступки и добивается важных требований, а подруга только поддакивает и восхищается его мудростью. Это было нелегко, однако случались в карьере Светланы Рыси задания и посложнее.

Клану Вагнера предлагались два крупных района столицы – один из них был исконной вотчиной Саггети, второй достался им от Колхейнов. Плюс весь рынок «черного одуванчика» – то, чего дон Ральф так энергично добивался от Скалы, но при этом совершенно бесплатно. Это было втрое больше того, на что Вагнер мог рассчитывать согласно общему ультиматуму при самом удачном стечении обстоятельств, но втрое меньше, чем требовал от дона Глама союз старых семейств. Предложение было фантастически щедрым, однако бесплатный сыр, как известно, бывает только в мышеловке. Закавыка заключалась в том, что на эти же самые районы претендовали Бенуцци и Каперони. Поэтому, вступая в союз с Саггети, дон Ральф автоматически вступал в серьезные противоречия с двумя другими мощными семьями, так что ему никаким образом не удалось бы просто сохранить нейтралитет, увильнув от вооруженного конфликта. Не считая уже того, что тем самым автоматически разваливался союз пяти старых семейств и их ультиматум, что едва ли понравилось бы другим благородным донам. Это понимали и Глам, и Вагнер, так что переговоры вышли очень жесткими.

Слушая деловой разговор двух боссов, Джулия пару раз на мгновение досадливо замирала – Вагнер слишком откровенно унижал самолюбивого молодого мафиозо, и она боялась, что тот сорвется и наговорит дону Ральфу дерзостей, после чего ни о каком союзе не будет и речи. Однако, к ее удивлению, Глам сумел сдержаться в самых острых местах. Более того, он проявлял такие мудрость и терпение, что Джулия порой начинала испытывать что-то вроде

уважения – возможно, она сама провела бы переговоры более искусно, но едва ли сумела бы быть более убедительной.

Когда Глам, бледный от пережитого нервного напряжения, появился в дверях, она бросилась к нему:

– Ну, как все прошло?

Она уже знала ответ, поэтому слова устало улыбнувшегося Глама Саггети не стали для нее новостью:

– Похоже, у нас будет союзник. Он взял пару дней на размышление, но крючок заглотил глубоко.

Радостно взвизгнув и кинувшись ему на шею от избытка чувств, Джулия в перерывах между бурными поцелуями незаметным движением вытащила из его рукава иголку-микрофон и спрятала ее между пальцев. Запись, которую исправно вело подслушивающее устройство, была прервана.

Глава 4

По утрам Джанфранко Пануччи, личный референт и доверенное лицо дона Гвидо, появлялся в здании «Каперони Инкорпорейтед» в числе первых. Кроме всего прочего, в его утренние обязанности входило проверять пришедшую за ночь почту, из которой двумя секретаршами уже был выловлен и отправлен в корзину весь спам и прочие мусорные письма, и определять, какие именно электронные сообщения настолько важны, чтобы сожрать несколько минут драгоценного рабочего времени босса, а какие без особого ущерба можно сразу передать по инстанциям или обработать самому. После этого можно было выпить кофе и спокойно заняться составлением сводок по делам корпорации за последние сутки – мистер Каперони, разумеется, регулярно получал отчеты совета директоров, да и сам любил лично пройтись по офисам, но в сводки Пануччи в основном попадали данные о тех теневых сторонах деятельности компании, о которых рядовые сотрудники и большинство топ-менеджеров даже не догадывались.

В это утро сигнал из кабинета босса застал Джанфранко за кофе. С сожалением отставив источавшую сказочный аромат чашечку – остынет ведь, зараза, – референт проскользнул за внушительные резные двери красного дерева.

Кабинет дона Гвидо был просторным и светлым. Пожалуй, здесь вполне можно было бы играть в мини-стилетбол, если бы не огромные панорамные окна, в которые в пылу спортивной баталии непременно вывалились бы несколько игроков. Точнее, игроки имели бы все шансы вывалиться, если бы стекла в этих окнах не были плазмоупорными и совсем немного не уступали бы в прочности броневым плитам такой же толщины.

– Джанфранко, мой мальчик, – произнес Каперони, сидевший за огромным дубовым столом и озадаченно разглядывавший монитор своего стационарного коммуникатора, – ты просматривал сегодняшнюю почту?

– Как обычно, босс, – отозвался Пануччи, бесшумно приближаясь к столу.

– Ты видел письмо от Саггети?

– Да. Но внутрь не заглядывал – как вы и распорядились, сэр, вся корреспонденция от глав благородных семейств поступает вам напрямую, без предварительного просмотра.

– Иди сюда.

Референт обогнул стол и озадаченно уставился на монитор.

– Будь любезен, – задумчиво проговорил Каперони, – скажи мне, что ты видишь на экране?

– Это рисунок человеческой руки, сжатой в кулак, – сдержанно пояснил референт. – Волосатой и грубой мужской лапы, сэр. Между указательным и средним пальцем просунут большой.

– Это я и сам вижу, – чуть раздраженно отозвался босс. – Столь крупные детали изображения я еще в состоянии разглядеть. Впрочем, видимо, я неправильно сформулировал вопрос... Что это, по-твоему, должно означать?

– У диких народов – символ категорического и безусловного отказа в грубой форме. – Пануччи ответил мгновенно, памятуя, что хозяин терпеть не может, когда его доверенный референт теряется в ответ на заданный вопрос, даже риторический. – Житель Соединенных Миров в подобной ситуации показал бы средний палец.

– А вот это что? – Брезгливо поджав губы, Каперони с трудом прочитал вслух подпись под фотографией: – *Nakosja vykusi?* Это же вообще бессмысленный набор звуков!

– Это латинская транскрипция одного ниппонского ругательства, – вдохновенно изобрел Джанфранко. – Что-то вроде пожелания «Чтоб вам всем провалиться».

В общем-то он почти не рисковал, ибо что еще могло быть написано под таким недвусмысленным рисунком?

– Занятно. – Мафиозный босс с задумчивым видом откинулся на спинку кресла, переплетя пальцы на животе. – Значит, дон Глам изволит хамить старым благородным семействам Тахомы. И еще он как бы символически заявляет нам, что будет биться за свой бизнес как дикарь – до конца, грубо, не гнушаясь никакими варварскими приемами, но при этом с поистине ниппонскими коварством и вероломством... Я надеюсь, подобные письма пришли и всем остальным донам? А то честное слово, было бы даже немного обидно...

– Э-э-э... – Референт все-таки растерялся на мгновение, но тут же взял себя в руки. – У меня нет такой информации. Прикажете проверить, босс?

Каперони махнул рукой.

– Нет, конечно. Каким образом? И к тому же я почти уверен, что именно так все и обстоит. – Он мягко улыбнулся. – Что ж, обнаглевших щенят следует учить. Он хочет ходить на советы благородных семей без галстука? Очень хорошо. Тогда ему придется съесть этот галстук без горчицы и кетчупа – и, может быть, тогда я разрешу ему приползти ко мне на коленях, чтобы вымаливать прощение за свою наглость. Будь добр, Джанфранко, свяжи меня с мистером Берковицем.

– Сейчас, сэр.

Референт уже двинулся прочь из кабинета, но у самых дверей босс снова остановил его:

– И вот еще что... Послушай-ка сначала еще тот аудиофайл, который пришел следом за этим письмом с адреса «Саггети Корпорейшн». Если это грязные ругательства дона Глама, сотри его и свяжи меня с мистером Берковицем. Если что-то любопытное, пришли сначала мне.

Вернувшись за свой стол, Пануччи надел наушники и запустил анонимный аудиофайл, сохранившийся в его почте.

«Здравствуйте, дон Ральф, – услышал он голос Глама Саггети. – Мое почтение, дон Ральф». – После короткой паузы отозвался Вагнер: «И вам не хворать, мистер Саггети. Простите мне мой костюм, но я уже собирался отойти ко сну. Вы ведь не сторонник консерватизма в одежде, насколько я помню?..»

Дослушав запись до конца, референт тут же связался по внутренней линии с боссом.

– Непременно прослушайте аудиофайл, сэр, – произнес он. – Это крайне интересная информация. Похоже, в руководстве благородного семейства Саггети у нас есть неведомый друг. – «Или просто враг своего босса», – добавил он мысленно.

Оставаясь на линии, Пануччи дождался, пока Каперони прослушает запись до конца.

– Однако, – задумчиво проговорил дон Гвидо. – Кто бы мог подумать! Мистер Вагнер решил сыграть краплеными картами. Как это не похоже на него. Впрочем, алчность – универсальное топливо для безрассудных поступков. – Он помолчал. – Ты обратил внимание, что второе письмо пришло без указания отправителя? То, что с картинкой, подписано: «Глам Саггети». Второе пришло с того же адреса, но теперь в графе «отправитель» – пусто. Система его не опознала. А кто имеет возможность не только тайком сделать запись секретного разговора по защищенной линии, но и дерзко отправить ее с компьютера босса? Крайне узкий круг лиц, приближенных к боссу, я бы сказал. Тем самым неизвестный как бы дает нам понять, что готов сотрудничать с нами и при этом занимает достаточно высокий пост в «Саггети Корпорейшн», чтобы нас заинтересовать... Хм. Вряд ли это девка – она за короткий срок вознеслась из грязи в небожители и пока, полагаю, довольна сложившимся положением вещей. Если бы на ее месте была другая, можно было бы предположить, что она почувствовала запах жареного, оттого и строит себе запасной аэродром, однако, по моим данным, дамочка особым аналитическим умом не блещет. А вот Кенни Бампера и тех, кто пришел в клан вместе с ним, следовало бы осторожно прощупать...

– Да, босс, – почтительно кивнул Пануччи. – Оззи Пастор?..

– Едва ли, – качнул головой Каперони. – Он из старой гвардии, работал еще с доном Джорджо. Хотя... На всякий случай пощупай и его тоже. Но осторожно, мой мальчик, ради всего святого, очень осторожно.

– Да, сэр.

– А дон Глам теперь не сможет вымолить прощение, даже когда приползет ко мне на коленях, – резюмировал дон Гвидо. – Теперь я поймаю его и лично вырежу сердце столовой ложкой.

– Зачем же ложкой? – вежливо поинтересовался референт. – Не удобнее ли ножом?..

– Потому что ложкой гораздо больнее, – ласково пояснил мистер Каперони. – А теперь все же свяжи меня с мистером Берковицем. Боюсь, разговор у нас с ним выйдет еще более забавный, чем предполагалось вначале.

Переговорив с референтом Берковица и установив для босса защищенный канал связи, Пануччи нервно потер ладони друг о друга, торопливо вызвал на экран виртуальную энциклопедию и принялся перелистывать ее в поисках кулака с пальцем и *nakosja vykusi*. Джанфранко был почти уверен, что правильно трактовал и жест, и надпись, но следовало убедиться в этом на все сто процентов. И, если он не прав, следовало немедленно соображать, как прикрыть свою задницу, если босс потом уличит его в неточности.

– Матка боска! Какого черта мальчишка пририсовал к кукишу это «накося выкуси»? И откуда он его вообще взял?!

Лось просто клокотал от негодования. Казалось, поймай он сейчас Глама Саггети в коридоре – без раздумий отправит в нокаут.

– Вычитал в СМИ, – мрачно поведала Рысь. – И без согласования с нами решил усилить свое послание. Он же у нас поклонник великих людей и эффектных поз.

Песец только покачал головой. Два энергичных древнерусских слова, которыми российский император Александр Михайлович в нарушение всех дипломатических протоколов ответил на оскорбительный ультиматум демократических миров, привели к Ипалайскому конфликту и вошли в словари идиоматических выражений многих языков галактики наряду с «*kuzkinamat*», «*nazdarovja*» и «*gderaki zimujut*».

– М-да, – обескураженно проговорил Пестрецов. – Такого никто не ожидал. Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу.

– Штирлицу было проще, – заметила Рысь. – Легендарным героям древности всегда легче совершать подвиги, чем нам. Даже если они на самом деле тоже допускали серьезные ошибки, народная память хранит о них только хорошее.

– И что же нам теперь делать, пся крев? – поинтересовался Лось.

– Что делать, что делать... – проворчал Песец. – Хорошую мину при плохой игре, вот что. Будем надеяться, что эта дурацкая выходка обойдется без серьезных последствий... хотя бы на некоторое время. Иначе пристальное внимание в этом направлении может нам здорово навредить.

Группа бывших Горностаев собралась на очередной военный совет в защищенном от прослушивания кабинете Кенни Бампера. Лось занял свое кресло, Родим и Светлана пристроились по обе стороны длинного стола для совещаний. Пестрецов меланхолично грыз яблоко, Рысь задумчиво курила, закинув ногу на ногу.

– Какое у нас вообще положение на фронтах? – поинтересовался Песец.

– Все роскошно, – заверил его Витковский. – Бардзо добже. Положение такое, что хуже быть не может. Нас давят со всех сторон. Единственный для клана шанс удержаться на плаву – это дон Ральф. Глам вполне понимает, что для Вагнера этот союз – только повод сунуть ногу в

дверь семейства Саггети, а потом попытаться максимально прибрать клан союзничка к рукам. Но другого выхода он пока не видит.

– Чудненко. – Родим перевел взгляд на Свету. – У тебя как дела на любовном фронте, подруга? Тяжело приходится?

– Да нормально все, – отмахнулась Рысь, и с ее сигареты на стол упал пепел. – Бывало и хуже. Немного задолбало изображать из себя девочку-припевочку, губки бантиком. Порой кажется, что танцую бесконечный стриптиз. Только в вашей компании и можно расслабиться, почувствовать себя настоящим мужиком... – Она криво усмехнулась. – Впрочем, иногда мне это даже нравится начинать – все эти платишки, помады, высокие каблуки с утра до вечера... Новые, понимаешь ли, ощущения...

– Опа! – Пестрецов во все глаза изумленно уставился на нее. – Кто ты, загадочная незнакомка, и что ты сделала с нашей Светкой?!

Рысь скорчила постную рожу, не обратив внимания, что Песец смотрит на нее слишком пристально. Лось иронически оскалился.

– Да, иногда нравится! – тряхнув рыжей челкой, дерзко повторила Света. – Хоть какое-то разнообразие в жизни. А то зимой и летом одним цветом: повседневный комбез, парадка и боевая броня...

– Ну и хорошо, – после паузы произнес Родим. Он не стал озвучивать, что совсем недавно она придерживалась противоположных взглядов – пыталась быть как можно незаметнее и поглубже зарыться в грунт. – Оттаиваешь, оттаиваешь, подруга. Если бы это тебя напрягало, была бы проблема. А так – молодец, сочетаешь приятное с полезным...

Рысь накрыла правой ладонью макушку, а левую кинула к виску, дурашливо отдав честь тому, кого они с Витковским считали своим командиром. Если бы кто-то смог наблюдать их в этот момент, он бы безошибочно определил в них русских, поскольку только в российском императорском флоте по древней традиции к «пустой» голове руку не прикладывают. Во всех остальных флотах честь отдают вне зависимости от того, есть ли на голове головной убор.

– Вольно, боец, – усмехнулся Песец. – Ладно, вернемся к сути вопроса. Аудиозапись отправила?

– Конечно. Как договаривались.

– Думаю, Каперони был для этого наиболее подходящей фигурой. Он наверняка сразу же оповестил остальных, и теперь они потребуют созвать новый совет, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Если бы мы разослали запись всем, они насторожились бы, почуяв подвох. А так все получилось вполне натурально: в руководстве клана есть предатель, который недоволен существующим положением вещей и ищет себе нового покровителя.

– В общем, все идет по плану, – кивнул Лось. – Теперь остается единственная загвоздка – Вагнер.

– Ну, это как раз не самое сложное, – безмятежно отозвался Песец. – Разберемся. О нем позаботится одна решительная девушка по имени Агата...

– Дон Ральф опаздывает на двадцать минут, – скрипучим голосом проговорил Бенуцци, посмотрев на свои золотые часы. – Если это новая традиция совета благородных семейств, то в следующий раз я опоздаю на полчаса.

Пятеро глав мафиозных кланов были в сборе, готовые начать очередное заседание совета. Не хватало только Вагнера – всегда такого пунктуального и вежливого.

– Терпение, мой друг, – миролюбиво проговорил Каперони. – Дон Ральф известен как обязательный человек, уважительно относящийся к главам почтенных семейств. Я уверен, что у него имелась достаточно весомая причина для задержки, и он непременно поведает ее нам, как только появится.

Глам Саггети едва заметно усмехнулся. Занервничали, почтенные семейства, занервничали. Он вновь был без галстука и собирался придерживаться подобной формы одежды и впредь. Сейчас он чувствовал себя гораздо увереннее, чем на предыдущем совете. Мистер Вагнер, мгновенно превратившийся из злейшего врага в лучшего друга, так и сказал: «Мы заставим их нервничать, Глам». Теперь Саггети ощущал за собой крепкий тыл. Дон Ральф и Глам в присутствии высокопоставленных доверенных лиц обоих кланов заключили договор о союзнничестве, и теперь, если бы Вагнер решился немедленно нарушить его, он сразу потерял бы лицо. Поступить так вероломно не позволили бы ему свои – точнее, он, конечно, мог наплевать на мнение ближайших соратников, но тогда в обозримом будущем он рисковал остаться без клана. Моральное состояние истинных мафиози очень важно, непредсказуемых отморозков никто не любит. Поэтому Глам не усмотрел в предложении Вагнера в оскорбительном ключе ответить на ультиматум благородных семейств никакого коварного подвоха и охотно разослал главам кланов изображение кукиша. «Пусть они нервничают, – заявил Вагнер, – пусть они чувствуют, за кем нынче сила. Это их ошеломит. Никто не посмеет открыто встать против нас, они все слишком трусливы, завистливы и жадны, чтобы выступить действительно единым фронтом. Главное, без меня не вступай ни в какие дискуссии. А вот когда я приеду с получасовым опозданием, заставив их психовать еще сильнее, вот тогда мы и возьмем их в клещи. Когда противник нервничает, он начинает допускать одну ошибку за другой, особенно на ответственных переговорах. Поверь моему богатому опыту».

Берковиц, привычно сложив руки на набалдашнике трости, гипнотизировал Саггети ледяным змеиным взглядом. Глам перевел глаза на мистера Бенуцци, который то и дело поглядывал на часы и машинально промокал сухой лоб платком. Каперони недовольно хмурился. Лишь Мэннингу происходящее, казалось, доставляет искреннее удовольствие – поскольку оно не затрагивало напрямую его жизненных интересов.

– Надеюсь, мистер Вагнер не полагает, что подобное проявление неуважения – хороший козырь на важных переговорах? – снова не утерпел дон Джузеппе.

– Сейчас дон Ральф приедет, и вы сами у него спросите, – произнес Каперони с оттенком раздражения. – При чем тут мы? Думаю, у него имеется достаточно серьезная причина для задержки, и он принесет всем нам свои искренние... – Он внезапно оборвал речь на полуслове и прикоснулся пальцем к клипсе-приемнику, плотнее вжимая его в ухо, – видимо, получил какое-то сообщение.

Текли мгновения, и лицо дона Гвидо понемногу вытягивалось. Берковиц и Мэннинг вопросительно посмотрели на него.

– Что ж, господа, – произнес, наконец, Каперони, – боюсь, дон Ральфа мы сегодня не дождемся.

– Но в его отсутствие мы не сможем обсудить наши общие проблемы! – возмутился Бенуцци. – Это просто неслыханно! Вот уже много лет ни один из благородных донов не пропускал заседания совета. У мистера Вагнера должны быть для этого очень, очень серьезные причины, иначе его репутация сильно пострадает!

– Не думаю, что его репутация пострадает. У него более чем серьезная причина. – Дон Гвидо обвел присутствующих тяжелым взглядом. – Пожалуй, самая серьезная причина опоздать на совет благородных семейств из всех, что я знаю. Он только что убит снайперским выстрелом в своей машине.

Это была не вся информация. Ту, что, судя по приблизительным прикидкам мощности и других параметров выстрела, уже третий глава мафиозных кланов Тахомы был расстрелян из снайперского комплекса «Агата» русского производства, он решил пока придержать. Только паники среди почтенных коллег ему сейчас не хватало. Конечно, данный комплекс стоял на вооружении нескольких десятков населенных миров в самых разных точках галактики, поэтому едва ли имелись причины подозревать жуткие имперские спецслужбы, нако-

нец-то вышедшие на след организаторов мятежа на Дальнем Приюте. Однако случайность, произошедшая один раз – это случайность, два раза – совпадение, а три – закономерность. Кто-то определенно открыл сезон охоты на благородных донов, и охотник почти наверняка сидел сейчас в этом зале.

Мгновенно наступила тишина. Все члены совета озадаченно смотрели на Каперони.

Дон Гвидо, в свою очередь, переводил взгляд с одного на другого. Вот ведь как не вовремя-то. Но кто из них? Мальчишку Саггети можно было сразу исключить из числа подозреваемых. На этой планете не было человека, который со смертью Вагнера терял больше, чем дон Глам. Что касается некоего мистера Каперони, то за него дон Гвидо мог поручиться как за самого себя. Убрать Вагнера – это было бы последнее, что пришло бы ему в голову в сложившейся ситуации. Значит, кто-то из этих троих. Кто? Бенуцци явно ошеломлен и подавлен. Берковиц – хладнокровная гадина, но и у него во взгляде на мгновение мелькнуло нечто похожее на недоумение пополам с опасением. Немудрено: после того как Саггети сцепились с Колхейнами в нелепой и братоубийственной войне, главы благородных кланов начали гибнуть с удручающей регулярностью. Это было тем более тревожно, что за предшествующие десять лет не своей смертью умер лишь один предводитель мафиозного семейства, да и то никто не сумел доказать постороннего злого умысла в выглядящем несколько подозрительно несчастном случае.

Гвидо Каперони перевел взгляд на Мэннинга. Тот был слишком спокоен, услышав это трагическое известие. Кажется, он даже чуть заметно подмигнул дону Гвидо. Пресвятая дева Мария, неужели тихоня Мэннинг?..

Нет, едва ли. Едва ли. Просто Мэннинг не имеет отношения к сути конфликта вокруг Саггети и понимает, что не он – следующая мишень. Вагнера он всегда откровенно презирал за мужицкие замашки, а любой раскол в совете ему только на руку – появляется возможность урвать свой кусок там, где раньше ему не позволили бы этого сплоченные кланы. Однако влезать в столь рискованное дело ради совершенно туманных перспектив?! Вздор.

В общем, в этом зале не было человека, всерьез заинтересованного в смерти дона Ральфа.

Кроме него, Гвидо Каперони. Первый, на кого падет подозрение, – это он сам, организатор коалиции против Саггети. И ведь он своими руками разослал всем членам коалиции ту злополучную аудиозапись! Так легко вообразить, что он, взбешенный предательством Вагнера, в ярости распорядился устранить дона Ральфа – чтобы наказать зарвавшегося коллегу и оставить клан Саггети без серьезного союзника...

Вот только он, дон Гвидо, совершенно точно знает, что ничего подобного не приказывал. Однако вряд ли в этом деле его вызовут свидетелем со стороны защиты.

– Мистер Каперони, – жалобно проговорил Бенуцци, – сейчас не время для столь неуместных шуток...

Нет, на самом деле он уже понимал, что такими вещами не шутят, тем более на совете благородных семейств. Однако из курса психологии и маркетинга Каперони помнил, что первая реакция на ошеломляющее известие у девяноста процентов человеческих особей – это стадия отрицания.

Впрочем, дон Джузеппе тут же прижал пальцем к уху собственный приемник – видимо, экстренное сообщение от референта пришло и ему. С мрачным удовлетворением Каперони отметил, что его службы работают быстрее, чем у конкурентов. Однако он дорого дал бы, чтобы эта конкретная новость пришла ему одному из последних. То, что он лично озвучил ее, выглядело как домашняя заготовка и только усилит подозрения. Плохо. Плохо.

– Нет, похоже, многоуважаемый дон Гвидо не шутит, – произнес Мэннинг, тоже получивший сообщение. – И это означает, что наш совет неожиданно приобретает совсем другое направление.

Берковиц перевел на него бесстрастный взгляд. На сидевшего по правую руку от Берковица дона Глама было жалко смотреть. С тех пор как Каперони объявил о смерти дона Ральфа, Саггети не изменил позы, не шевельнул ни единым мускулом, только углы его рта медленно и неумолимо ползли вниз, а в глазах застыли боль и отчаяние. Если бы Каперони довелось ваять скульптуру под названием «Вселенская скорбь», лучшей натуры он бы не отыскал.

Бенуцци нервно кашлянул.

– А мне кажется, что сегодняшний совет потерял всякий смысл, – проговорил он. – Теперь все будет зависеть от того, кто займет место дона Ральфа и подтвердит ли он имеющиеся у его семейства договоренности.

– Не исключено, что этот вопиющий инцидент вызван внутренними разборками и борьбой за власть внутри клана, – заметил Берковиц. – Я полагаю, нам стоит тщательно расследовать это убийство. И я говорю не о полицейском расследовании.

Молодец старик, подумал Каперони. Впрочем, Берковиц явно заботился не об установлении истины и не о добром имени дона Гвидо, а о том, как прикрыть собственную задницу. Скорее всего, он-то как раз полагал, что топит Каперони.

– Что ж, так и решим. – Дон Гвидо поднялся. – Предлагаю встретиться через несколько дней, чтобы приветствовать нового главу клана Вагнеров, а также обсудить новые обстоятельства, сложившиеся в связи с этим трагическим случаем.

Бенуцци вскочил и, нарушая все правила протокольного этикета, не попрощавшись, рванул к выходу. Дон Исая медленно поднялся, опираясь на трость, и впился ледяным взглядом в переносицу Каперони.

– Как бы я хотел, Гвидо, чтобы расследование установило непричастность всех благородных семейств к этому прискорбному инциденту, – внушительно проронил он и, прихрамывая, зашагал следом за Бенуцци.

– Я смотрю, пауки в банке энергично жрут друг друга, а? – весело подмигнул Мэннинг, приблизившись к Каперони для прощального рукопожатия.

Ах ты гнида, подумал глава «Каперони Инкорпорейтед». Резко дернуть его руку на себя, а потом другой рукой, на противоходе – сокрушительным апперкотом в челюсть, чтобы зубы разлетелись по всему полу...

– Не понимаю, о чем вы, дон Джеймс, – с трудом произнес он, пожимая Мэннингу руку. – Всего хорошего.

Гламу по-прежнему сидел на своем месте, поникнув, уставившись в пространство невидящим взглядом.

– Мистер Саггети! – Каперони деликатно потряс его за плечо. – Я вижу, смерть мистера Вагнера оказала на вас очень тяжелое воздействие. Совет окончен, мы встретимся снова через несколько дней, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Гламу поднял на него пустой взгляд. Каперони с интересом заглянул в глаза противнику. В этих глазах медленно, но неудержимо рушилась гангстерская империя Саггети. Рассыпались беломраморные храмы и дворцы, под вспышки молний и удары волн погружались в зыбучий песок величественные памятники и колонны, в панике бежали в горы воины, побросав доспехи и оружие. В глазах Саггети отражался крах последних надежд.

Что ж, хоть в чем-то неведомый убийца сыграл дону Гвидо на руку. Хотя и здорово подставил его, с другой стороны. Однако старому битому лису в свое время удавалось выйти невредимым еще и не из таких переделок.

Гламу Саггети с трудом поднялся и, не попрощавшись, на негнущихся ногах двинулся к выходу. Проводив его долгим взглядом, Каперони снова сел за стол.

– Я страшно отомщу, – негромко произнес он в пространство. – Я пока еще не знаю точно, кому именно я страшно отомщу, но я очень страшно отомщу.

Опустив подбородок на составленные домиком руки, дон Гвидо глубоко задумался.

– Немедленно повысить уровень опасности покушения до предельного! – выкрикивал потерявший всякое самообладание Глам Саггети в коммуникатор. – Кенни, Вагнер убит, и я следующий на очереди! И нам сегодня же, слышишь, сегодня же нужно переехать в новое убежище для экстренных случаев! Как еще не подыскали?! Чем вы занимались все это время?! Сегодня же найти и переехать! Ты понял меня?..

Джулия, сидевшая рядом с Гламом на сиденье глидера, предпочитала отмалчиваться, чтобы случайно не усугубить ситуацию. Саггети был на грани истерики. Если бы кланы совершили покушение на него, он бы, наверное, только дополнительно ошетинился, лишний раз получив сладостное подтверждение своего величия, того, какой грандиозной рыбой костью он встал поперек горла противникам, словно легендарный Александр Македонский. Однако главы благородных семейств единственным расчетливым ударом прикончили одного из солидных людей своего круга, а Глама лишь покровительственно похлопали по щеке, – и вот это царственное пренебрежение было страшнее всего. Настоящие мафиози не разменивались на мелочи, они били точно, безжалостно и без долгих раздумий. От этого кровь стыла в жилах у Глама Саггети. Он внезапно ощутил, что действительно не в состоянии противостоять этим холодным, бесстрашным и беспощадным людям. Он почувствовал себя уличным забиякой, чемпионом двора по рукопашному бою, который, уверенный в своей непобедимости, пришел на разборку с крутыми парнями с другой улицы, а они вдруг все разом достали плазмометы. Ему снова безумно захотелось на Ниппон...

– Все понял?! – яростно кричал Глам. – Да, пусть нас встречают твои люди!..

Глидер Саггети камнем упал с огромной высоты – опытный пилот стремился максимально обезопасить пассажиров от заряда плазмы или управляемой зенитной ракеты. На уровне крыши небоскреба «Хайтауэр Билдинг» он замедлил скорость и плавно вошел в колодец атриума.

Машина опустилась во внутреннем дворе, по периметру которого уже были расставлены надежные охранники. Сейчас даже топ-менеджеры «Саггети Корпорейшн» не смогли бы получить доступ к телу Глама Саггети.

К глидеру бросился дожидавшийся внизу Кенни Бампер, почтительно распахнул дверцу, помог спуститься боссу, подал руку мисс Джулии.

– Меры приняты, босс! – торопливо докладывал он на ходу, в то время как Глам с застывшим лицом шагал по двору ко входу в здание, возле которого ждали босса высшие функционеры мафиозного семейства. – Установлен оранжевый уровень опасности. Сегодня же найдем подходящее убежище, чтобы не подвергать излишнему риску вашу семью. Совет клана уже собран, ждем только вас...

Глам Саггети резко остановился, так что не ожидавший этого руководитель службы безопасности едва не налетел на него. Развернулся всем корпусом, впился в Бампера налитыми кровью глазами.

– Я не приказывал собирать совет, – процедил он.

– Босс, – проникновенно проговорил Кенни, – в сложившейся ситуации нам всем необходимо немедленно выработать...

– Я не приказывал собирать совет! – рявкнул Саггети и снова устремился вперед, растолкав плечами стоявших на дороге помощников. – Пошли вон! Меня не тревожить, пока я сам не выйду!..

Генералитет клана оторопело смотрел в спину удаляющемуся боссу, который уже вошел в здание и теперь стремительно шагал к экстренному лифту по коридору с наглухо заблокированными дверями. Папаша Динелли нахмурился, Кувалда вздохнул, Оззи Пастор едва заметно

покачал головой. То, что все пошло наперекосяк, было ясно всем, но все равно негоже главе клана столь явно демонстрировать свою полную растерянность.

Обернувшись, Кенни бросил озабоченный взгляд на Джулию. Та чуть опустила ресницы – предоставь это мне – и полезла в сумочку.

– Господи, ну что за дурацкий день! – внезапно раздался за спинами подавленных мужчин ее пронзительный голосок. – Худший день в моей жизни!

Мафиози оглянулись. Мисс Джулия, о которой они совсем позабыли, стояла позади них и с крайне рассерженным видом рылась в своей сумочке.

– Я засужу этих уродов! – заявила она, заметив, что завладела общим вниманием.

– Кого именно? – деловито уточнил адвокат Динелли, услышав любимое слово.

– «Шакри и Минстал», конечно! Ну как можно было сделать такую дурацкую упаковку?! Их чертова тушь разлилась и испортила мою самую любимую сумочку! Уроды, криворукие уроды!!!

Присутствующие переглянулись. Эта кукла выбрала весьма неудачное время в очередной раз продемонстрировать свою непроходимую тупость. Тут речь идет о выживании семейства, а она...

– Э-э, мисс, – осторожно обратился к Джулии Оззи Пастор, – вы случайно не знаете, что именно босс хотел...

– О, боже, мое манто! – яростно перебила его Джулия, заметив, что размазавшаяся тушь оставила безобразное пятно на невероятно дорогом переливающимся мехе тамасианской шиниллы, накрученном на ее изящные плечи.

Оззи поспешно отшатнулся. Упаси боже попасться под руку разъяренной женщине, особенно если это кукла босса.

– Мистер Динелли, как только вы разберетесь с юридическим обоснованием превращения нашего клана в рейнджерское подразделение, я хочу, чтобы вы занялись иском к «Шакри и Минстал»! – на повышенных тонах распорядилась Джулия. – Сразу же! Поэтому постарайтесь управиться поскорее. Я хочу получить с них миллион... какого черта, три миллиона кредитов! Р-р-р-разорвать мою задницу! – Она уставилась на Бампера, словно впервые за сегодняшний день увидела его, досадливо помотала головой: – Проклятие, Кенни! Это что же получается?! Если вы с Кувалдой отправляетесь в командировку за десантниками, то кто же будет сопровождать меня в бутик за новым манто?..

С досадой швырнув на бетонный пол гаража испорченную сумочку, Джулия с разъяренным видом, надменно стиснув губы, двинулась следом за женихом в сторону лифта. Теперь ей предстояло самое сложное: наедине убедить Глама, что он сам принял решение вернуться к идее «Вольных рейнджеров Саггети»...

Кенни Бампер, Оззи Пастор, Стив Кувалда и мистер Динелли переглянулись. Что ж, значит, дон Глам все-таки принял судьбоносное решение, и им оставалось только выполнить его. Никто не горел желанием просить уточнений у босса после того, как тот категорически потребовал не беспокоить его, однако все и так было яснее ясного: он наверняка поделился своими планами с невестой, пока они летели сюда. И для всех было лучше, чтобы верные люди начали выполнять его решение немедленно, а не спустя какое-то время, когда он выйдет из депрессии и вспомнит, что так и не отдал необходимых распоряжений. Нельзя было упускать ни минуты, все прекрасно понимали: время сейчас работает против них. Поэтому в тот же день Кенни Бампер и Стив Кувалда с разницей в полчаса чартерными рейсами спешно стартовали из центрального космопорта Тахомы в разные точки галактики. А обеспокоенный Оззи Пастор до позднего вечера терпеливо ждал уточнений от босса, однако из апартаментов дона Глама, где Саггети заперся вместе с Джулией, потребовав принести семь бутылок виски, так и не раздалось ни одного звонка. И это навело Оззи на некоторые сумрачные, но любопытные мысли. Крайне любопытные... во всяком случае, для него самого.

Глава 5

– Ну, как? Видно что-нибудь?

Ларри Джарвис по прозвищу Заноза испытующе посмотрел на проводника, метиса Чедку, который внимательно изучал раскинувшуюся внизу долину в полевой бинокль. Справа, шагах в пятидесяти от них, грохотал гигантский водопад, обрушивая в долину тысячи тонн бурлящей воды. Над ним трепетала, наискосок перечеркивая небо, огромная радуга.

– Есть след, бачка Ларри... – сосредоточенно проговорил Чедка, подкручивая колесико резкости, мокрое от висящего в воздухе облака из мельчайших частиц влаги, вздымаемых водопадом. – Хороший след, бачка! На бульдозере проехали, что ли, твоя-моя? Вам, белым, только дай что-нибудь мала-мала ломай по дороге. Хуже навозный червяк...

Заноза машинально пропустил мимо ушей традиционное ворчание проводника. Для того это было что-то вроде шаманского ритуала перед боем. А вот лежавший слева от него новобранец недовольно завозился на земле, но ничего не сказал. Он еще не научился не обращать внимания на ехидную, но в общем-то беззлобную трескотню метиса.

– Браконьеров видишь? – поинтересовался Джарвис.

– Только след, твоя-моя... – пробормотал Чедка. – Два след, – внезапно уточнил он.

– Они разделились? – тут же сделал стойку Заноза.

– Разделились, так, бачка... – Метис понемногу двигал бинокль вправо. – Нет, опять один след. Не разделились. Моя-твоя, не умеешь ходить в джунгли – не ходи в джунгли! Мастер Чедка потом иди выручай маленький белый ублюдок, да?

– Хватит уже ворчать, старина. Далеко ушли?

– Да нет, твоя-моя. Совсем свежий след, бачка Ларри. Пешком мы их полтора часа иди-догоняй.

Ну, раз Чедка сказал «полтора часа догоняй», значит, именно так и будет. Иначе не преминул бы сказать – «догоняй час двадцать» или «час тридцать пять». Мастер Чедка Чалмерс был страшно хитрым и невероятно жадным парнем, и еще он мгновенно засыпал, привалившись к дереву, даже на пятнадцатиминутном привале, однако Заноза не любил работать с другими проводниками. Метис обладал звериным чутьем, отличной памятью, уникальным глазомером и твердой рукой. За эти качества Джарвис прощал ему многочисленные раздражающие недостатки, которые наверняка заставили бы Занозу отказаться от менее умелого проводника. Например, кроме перечисленного – бесконечное бормотание насчет отвратительных белых или постоянное коверканье английского языка. Чедка всю жизнь прожил на Эшмоле среди американских колонистов, и Ларри готов был держать пари, что он говорит по-английски ничуть не хуже его, а другого языка не знает. Тем не менее метис все время старался подчеркнуть свое отличие от глупых белых – пусть даже разговаривая словно вождь захолустного племени из фильма класса Б. Чалмерс кичился своей непохожестью на других колонистов и выдуманными обидами, которые белые вроде бы нанесли его народу тысячу лет назад.

– Мастер Чедка! – подал голос третий член оперативной рейнджерской группы, стажер Робин Дорланд, пока еще не заслуживший боевого прозвища, но страстно этого жаждавший. – Может, просто вызовем патрульный катер, раз им уже никуда не деться? С воздуха их прихлопнут за десять минут.

– Собыют, – лаконично пояснил Заноза. Мастер Чедка даже не удостоил новобранца ответом, продолжая изучать окрестности через бинокль. – Бог его знает, насколько крутой у них с собой ПЗРК, – продолжал Ларри после паузы. – Браконьерам тут такие бешеные деньги светят в случае удачи и такие сроки в случае поимки, что скоро сюда прямо на ховертанках въезжать будут... – Он покосился на парнишку. Вообще-то не стоило при новичке говорить про бешеные деньги. Не слишком-то педагогично вышло. Впрочем, тот наверняка и сам все знает,

не маленький. – И учти: узнаю, что ты пытаешься наладить сотрудничество с браконьерами – живым закопаю, – на всякий случай добавил Джарвис.

– Да какое еще сотрудничество, мастер Ларри! – искренне оскорбился Дорланд. – Какое может быть сотрудничество с этими шакалами?!

– Смотри у меня.

В педагогических же целях Джарвис не стал пояснять, что все три катера рейнджерского гарнизона – такое старье, что каждый из них можно насквозь проткнуть вилкой из гарнизонной столовой, не то что очередь из ручного плазмомета. Не, на своих двоих брать браконьеров и нарушителей куда как сподручнее...

– Моя-твоя двигай, стало быть, – подытожил свои наблюдения проводник, поднимаясь с мокрых камней. – Двигай свои белые задницы, бачка Ларри и неженка Робин. Иди-спускайся в долина будем.

За спинами рейнджеров, на скале возле водопада, буйным цветом цвели мохнатые кораллы – главная достопримечательность Эшмола, посмотреть на которую стекались туристы со всей галактики. К земным кораллам они не имели никакого отношения, на самом деле это были причудливые представители минеральной жизни, подчиняющиеся физическим законам образования кристаллов и питающиеся горной породой. Огромные растительно-минеральные ковры невероятной красоты встречались во многих местах покрытой джунглями планеты. Но подлинным сокровищем таких ковров были так называемые коралловые розы – уникально редкие причудливые образования на полях кристаллов, которые напоминали розы лишь отдаленно, значительно превосходя их буйством красок и совершенством форм. Коралловые розы распускались раз в сорок-пятьдесят лет, поэтому зацветший минеральный ковер сразу становился местом туристического паломничества. И уж совсем редко бывало, чтобы в одном месте возникло сразу два каменных цветка.

Недавно две коралловые розы почти одновременно раскрылись на скальном плато возле огромного водопада. Такую драгоценность следовало охранять как зеницу ока – и сегодня утром на этом месте планировалось оборудовать стационарный рейнджерский пост, чтобы присматривать за туристами, так и норовящими отломать кусок бесценного коралла на сувенир.

А в ночь накануне кто-то здесь уже побывал. И прибывшие на плато патрульные обнаружили обезображенный минеральный ковер с двумя огромными черными дырами посередине. Браконьеры вырезали обе розы плазменными резаками и забрали их с собой.

От бессилия хотелось выть. Но Ларри Джарвис стиснул зубы и лишь пообещал себе, что после поимки вандалов, прежде чем передать их полицейским, отработает на ублюдках пару особо болезненных приемов, изученных им, когда он еще служил десантником во флоте.

– Заноза! – ожил вдруг в наушнике голос диспетчера Эльзы. – Эй, красавчик, где ты там? Прием!

– Слушаю, рыбка моя, – отозвался Джарвис.

– Браконьеры нарушили режим радиомолчания! Дали в эфир пеленг. Похоже, ждут транспорт. Прием.

– Точку зафиксировали? – вскинулся Джарвис.

Девушка зачитала координаты точки пеленга.

– Золото мое, с меня шоколадка, – сказал Ларри. – Спасибо! Отбой, детка.

– Мала-мала попались белые мерзавцы, да? – поинтересовался Чедка, пряча бинокль в футляр.

– Пока еще нет, но есть пеленг. Координаты подтверждаются, это их след. Но полутора часов у нас больше нет. Они вызвали катер. Смотри: в джунглях он прятаться не может, оплетет корнями за пару часов. На плато тоже – мы его пересекли по диагонали, нет тут ни черта. Значит, либо он сейчас стартует от Кутенейских озер, либо с орбиты. Но в любом случае – минут двадцать, максимум полчаса.

– Не успеем, э, – покачал головой Чедка. – Только-только с плато иди-слезай.

– Значит, будем иди-слезай по ускоренной программе, – заявил Заноза. – Робин, секунд тридцать на руках провисишь?

– А то! – откликнулся стажер. – Еще и подъем переворотом в полной амуниции сделаю.

– Не надо бы, бачка Ларри, – заворчал метис. – Прошлый раз плохо кончился. Два месяца госпиталь, твоя-моя.

– Прошлый раз у нас в команде не подготовленный стажер был, а какая-то овечка Долли, – огрызнулся Джарвис. – Короче, молодой, главное – ничего не бойся. Ничего с тобой не случится. Делай как я. Не паникуй. Понял?

– Понял, – кивнул Дорланд, на самом деле понявший только одно: мастер Ларри каким-то волшебным образом собрался быстро переправить их команду в долину с высокой скальной гряды, и будет это, судя по всему, офигеть как весело.

– Сто пият метр, бачка, – предупредил Чалмерс. – Дерябнись – костей не собирай совсем, да?

– Не каркай.

Заноза подошел к самому краю обрыва. Здесь теснилась на скале колония аэронавтов – причудливых живых созданий, каждое из которых состояло из большого кожистого мешка и двух кривых лап под ним. У них не было ни глаз, ни ушей, только широкие влажные ноздри и крошечная пасть, усеянная мелкими хитиновыми выростами наподобие зубов. Специальные железы в теле аэронавта вырабатывали инертный газ легче воздуха. Заполняя этим газом обширные полости тела и раздуваясь при этом, как воздушный шар, аэронавт приобретал способность летать, точнее, планировать, медленно снижаясь. Спустившись в джунгли и попав там, обратно эти примитивные животные взлетали, используя дующие в долине порывистые ветры и восходящие потоки теплого воздуха. Здесь, на плато, они спасались от хищников, которыми кишели джунгли. В хорошую погоду между скальной грядой и стеной леса было черным-черно от снующих туда-сюда живых воздушных шаров.

– Выбирай самого большого, – велел Джарвис стажеру. – Чтобы выдержал твой вес вместе с ПЗРК. Вот хороший, держи, – он сунул руку в шевелящуюся массу лиловых тел, похожих на половые тряпки, и выдернул из кучи нечто, напоминающее сморщенный полиэтиленовый пакет. Пакет тут же сердито зашипел, начал раздуваться, увеличиваться в объеме, мелькнули в воздухе когтистые лапы, пытаясь ободрать удерживающую его руку. – Хватайся за лапы – самая надежная рукоятка!

Робин послушно ухватил животное за дрыгающиеся лапы. Тем временем Ларри вытащил из кучи еще одного аэронавта – для себя.

– Ни в коем случае не отпускай его, даже если тебе покажется, что он снова набирает высоту! – проорал Джарвис, пытаясь перекричать змеиное шипение двух живых газовых баллонов. – Это ненадолго, он все равно не сможет взлететь с таким грузом! Готов?

– Готов! – радостно откликнулся стажер.

– Тогда делай как я!

Аэронавты в их руках уже раздулись до размеров средних размеров метеозондов и яростно рвались в небеса. Заноза коротко шагнул к краю скальной площадки и вдруг бросился в разверзшуюся перед ним бездну.

Сначала казалось, что он неудержимо падает со скалы, а зажатый в его руках аэронавт влияет на это головокружительное падение не больше, чем раскрытый зонтик. Однако через несколько мгновений стремительное падение замедлилось, а потом скорость и вовсе упала до скорости парашютиста. Аэронавт раздулся еще больше, его огромные ноздри на безглазой морде судорожно трепетали, пасть часто приоткрывалась, жадно хватая воздух. Животному вовсе не хотелось распороть свой драгоценный кожистый мешок об острые сучья внизу, и оно прилагало все усилия, чтобы смягчить неизбежную посадку.

Когда Джарвис уже почти коснулся ногами густых, непрерывно шевелящихся и меняющих форму древесных крон в долине, образующих почти сплошную упругую поверхность, мимо него со свистом пронеслось что-то большое и темное, которое с треском нырнуло в отпрянувшую в испуге листву. Два разом отпущенных аэронавта пулями взмыли ввысь, освободившись от непосильного груза.

– Молодой, ты? – крикнул Заноза, с ловкостью обезьяны спускаясь на грунт по шероховатому изгибающемуся стволу.

– Я... – печально отозвалась древесная крона, отчаянно шурша и содрогаясь.

Ну, хотя бы жив – уже неплохо. Зенитный комплекс, который нес на спине Дорланд, оказался слишком тяжел для аэронавта. Нужно было выдать стажеру сразу два живых шара. Что ж, на ошибках учатся.

– Ничего не сломал? – поинтересовался Джарвис, уже стоя на твердой почве.

– Не... – отозвался Робин. – Поцарапался только...

Похоже, стремительный спуск со скального массива в долину произвел на него совершенно неизгладимое впечатление.

К тому времени, как новичок сполз вниз, отчаянно цепляясь за уворачивающиеся корявые сучья, совершил посадку мастер Чедка. Хладнокровный проводник ухитрился проскользнуть между двух стволов и опуститься почти на грунт. Однако на высоте полутора метров его аэронавт все-таки намертво заклинился между сучьев, и Чалмерсу пришлось прыгать. Освобожденный живой шар с писком протиснулся через густую листву и устремился в небо следом за своими братьями, обретшими свободу чуть раньше.

– Час сэкономили, мастер Чедка, – заявил Ларри. – Направление не потерял?

– Три с половина минут, будет след. – Чалмерс торжественно кивнул. – Я даже видел сверху точка пеленг. Они вырубили поляна в джунглях, чтобы катер мог мала-мала садиться. Я с водопада думай, твоя-моя – почва просел, вот и дырка. А потом понимай, когда пеленг пришел: э! Они сиди-жди катера, да? Совсем рядом, бачка.

– Тогда вперед!

Они двинулись вперед и вскоре действительно вышли на след браконьеров – по крайней мере, так заявил следопыт Чедка.

– Десять минут, бачка Ларри! Десять минут, и мы имеем белых гадов во все щели!

Браконьеров подвела собственная осторожность. Если бы они высадились на плато прямо с орбитального катера, за полчаса изуродовали коралловый ковер и сразу стартовали обратно на орбиту, им, скорее всего, удалось бы скрыться. Конечно, ближе к столице, где заповедную зону патрулировали армейские «трицератопсы», это было бы слишком рискованно и за такую наглость их накрыли бы в течение нескольких минут. Однако здесь, в глухой провинции, где национальный парк на полтысячи квадратных миль охраняли три десятка человек на трех дряхлых рейнджерских катерах, шансы уйти безнаказанными у них были бы весьма высокие. Тем не менее нарушители из осторожности предпочли высадиться далеко в джунглях и отправиться на плато пешком с наступлением темноты. Спуск с плато кружным путем, по крутым склонам и в обход кипящего асфальтового озера занимал час – это у подготовленных рейнджеров с проводником, значит, у незнакомых с рельефом местности браконьеров наверняка отнял все два. И три-четыре часа предварительный подъем без дороги. Плюс сложный путь через ночные джунгли, плюс обратно, плюс время на то, чтобы подготовить в лесу посадочную площадку – заранее вырубить ее было нельзя, за ночь она снова плотно заросла бы рвущимися к свету местными деревьями. В общем, провозились они в итоге всю ночь, но все же, если бы патрульные не прибыли утром так рано, все у вандалов прошло бы гладко. Радарная система рейнджеров зафиксировала бы, конечно, посадку в джунглях вдали от туристической достопримечательности чужого катера и его старт через пару минут, но вряд ли это серьезно переполюшило бы диспетчеров – в отличие от того случая, если бы катер приземлился прямо на

охраняемом плато. Мало ли кто совершает вынужденную посадку для мелкого ремонта в лесу – геологи, местные жители, заблудившиеся туристы... Выслали бы, конечно, патруль, он покрутился бы над джунглями, никого не обнаружил и вернулся бы на базу. Теперь же группа Занозы Джарвиса оперативно двинулась по следам негодяев, и, откровенно говоря, сам Ларри браконьерам не завидовал. Ближе к столице у них оказалось бы куда больше шансов, что рейнджеры при задержании проявят больше уважения к их гражданским правам и свободам. Здесь же места были довольно глухими, а рука у рейнджера – достаточно тяжелой. Что касается командира заставы, то он наверняка напишет правильный рапорт, стоит ему только взглянуть на то, что осталось от уникального кораллового ковра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.